

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЛАРИСА
КАПЕЛЛЕ

ВЕЛЕСОВА НОЧЬ

Любовь, интрига, тайна

Лариса Капелле

Велесова ночь

«ЭКСМО»

2020

Капелле Л.

Велесова ночь / Л. Капелле — «Эксмо», 2020 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-04-114234-6

Москва, 1477 год. Вот уже пять лет как Иван III женат на византийской принцессе Софье Палеолог. Москва из захудалого лесного княжества превращается в одно из самых могущественных государств Восточной Европы. Софье не по душе старомосковские порядки и жизнь в деревянной столице с ее залатанными крепостными стенами и ветхими храмами. Тем временем влияние хитрой честолюбивой византийки растет и не всем это по душе. Поэтому когда по Москве прокатывается волна загадочных убийств, именно Софью обвиняют в том, что она нарушила извечный порядок и впустила в город чужеземцев на службе у дьявола...

ISBN 978-5-04-114234-6

© Капелле Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лариса Капелле

Велесова Ночь

Глава 1

Рим, май 1472 года

Это был обычный пригородный римский постоялый двор. Располагался он на входе в город, неподалеку от базилики Сан-Джованни-ин-Латерано. Основная зала была в этот обеденный час забита до отказа: направляющиеся на субботнюю ярмарку торговцы, спешащие за спасением собственной души паломники, отдыхающие от праведных и неправедных дел солдаты, обычный люд, для которого дорога была необходимостью, а то и образом жизни. Рядом с основной залой располагалось несколько отдельных, поменьше, где могли пообедать те, кому больше нравилось или подобало одиночество. К одному из таких салонов, в котором ужидали несколько паломниц-монашек из монастыря Св. Бенедикта, приблизился худенький подросток с огромным, не по росту, подносом. Мать-настоятельница Каталина хорошо знала хозяина заведения и всегда останавливалась здесь во время своих посещений Рима. Гости были почетными, и подросток старался им угодить. Он осторожно приоткрыл дверь и протиснулся внутрь. В зале было тихо, но юноша внимания на это не обратил. Обедавшие здесь особой разговорчивостью не отличались. Не отрывая глаз от пола, он засеменил к столу и, только приблизившись, поднял голову. Тишину разорвал тоненький вопль, грохот разбившейся посуды и звон жестяного подноса. В основной зале люди притихли, поглядывая друг на друга с недоумением. Беппо, хозяин постоялого двора, здоровый детина с квадратными ручищами смачно выругался и ринулся на звук, бормоча:

– Опять не справился! Сегодня же выгоню и на дядю не посмотрю!

Заскочив внутрь, остановился как вкопанный. Из широкой миски с супом поднимался еле заметный пар. Вокруг, уронив голову на стол, спали четыре монашенки. Пятая, откинувшись, сидела на стуле. Все вокруг было неподвижным и застывшим, словно на фресках столь любимой Беппо базилики. Только остекленевшие глаза, обращенные в закопченному потолку, и повисшие плетью руки пятой монашенки свидетельствовали, что автором живописного полотна была... смерть.

За его спиной раздался женский вскрик. Беппо пришел в себя, обернулся и забормотал в отчаянии:

– Мать Каталина! Господи, как это могло случиться! Спаси и помилуй!

Невысокая женщина в монашеском одеянии прошла внутрь.

– Я сделал, как вы приказали, принес ужин сестрам, не дожидаясь вашего возвращения! Что подумают люди, о горе мне! – Беппо говорил уже тише, не в силах оторвать глаз от страшной картины.

Шепча слова молитвы, мать Каталина нежно закрыла глаза пятой монашенки, обошла стол, крестя погибших и молясь за упокой невинно убиенных душ. Следом, дрожа, зашла совсем юная послушница. Ее глаза были широко раскрыты, и в них черным пламенем полыхал ужас:

– Они спят! Мать Каталина, надо их разбудить! – девушка бросилась к умершим, хватая их за безжизненные руки, трясая за плечи.

– Марселла, сестра Агнес! Сестра Кармелла! – Головы с безжизненным стуком опускались на стол, руки падали вновь. – Сестра Дениза! Сестра Дениза! Отзовись! Это шутка! Этого

не может быть! Не-е-ет! Не-е-ет! – Девушка опустилась на колени перед пятой монашенкой и зарыдала, зарывшись лицом в платье умершей.

Беппо внимательно осмотрел стол, суп был не тронут, только в кубках на дне переливалась темная жидкость. Взял кувшин с вином, понюхал и передал Каталине.

– Оно отравлено?

Мать-настоятельница взяла кувшин, втянула запах, потом вылила каплю на запястье, лизнула и произнесла:

– *Atropa belladonna!*

– Этого не может быть! Мое вино самое лучшее в Риме!

Лицо матери-настоятельница заострилось.

– Надо увести Анну, – приказала она Беппо. – Приставь к ней кого-то надежного и закрой наверху, а я дождусь стражников.

– Я оставлю ее в моей спальне, она будет в безопасности!

Беппо с подросшей на помощь женой Лучианой с трудом оторвали Анну от умершей сестры Денизы и потащили наверх. Следом отправили за стражниками. Любопытные посетители толпились у двери, пытаясь заглянуть внутрь. Хозяин постоялого двора отгонял самых настойчивых. Стражники появились быстро. Они моментально очистили помещение, составили протокол, вынесли тела умерших.

Мать Каталина молилась, не обращая внимания на царившую вокруг суету, провожая в последний путь души своих сестер. Только когда все утихло, она встала, расправила складки своего платья и подняла голову.

– Беппе!

Стоявший за дверью хозяин с виноватым видом ринулся к настоятельнице.

– Анна?

– С ней все в порядке, Лучиана дала ей настойки и осталась с ней наверху!

– Что произошло, Беппе? Кто мог убить моих сестер?

– Сам ничего не понимаю, мать Каталина! – Беппе в этот момент было не узнать, глаза потухли, а огромные ручки висели плетьюми.

– Я тебя ни в чем не обвиняю, Беппе, мы слишком хорошо и давно друг друга знаем, – голос матери-настоятельница дрожал, она лихорадочно размышляла, – только скажи мне, кто-нибудь интересовался нами?

Беппе сначала было помотал головой, потом, поразмыслив, подозвал пухлую девушку, прислуживавшую в основной зале.

– Консолетта, тебя кто-нибудь спрашивал о сестрах монастыря святого Бенедикта?

Девушка сдвинула брови и покачала головой.

– Меня нет, спроси у Альдо.

Беппе подозвал того подростка, что прислуживал монахиням. Он приблизился, кося глазами и бледнея, а услышав вопрос, вообще побелел, стал заикаться и слишком истово клясться в том, что его никто и ни о чем не спрашивал. Беппе, показав глазами Каталине на винный погреб, схватил упирающегося подростка за грудки и поволок вниз. Каталина, прикрыв за собой дверь, последовала за ними.

– Теперь говори правду, иначе весь дух из тебя вытрясу! – закричал хозяин таверны.

– Клянусь Пречистой Девой, я ничего не знал, меня просто спросили, остановились ли у нас сестры прихода святого Бенедикта, я ответил «да», и они мне дали монету, и все, клянусь моей умершей матерью! – выл перепуганный подросток.

– Подожди Беппе, – остановила разбушевавшегося мужчину Каталина, оттащила Альдо и, взяв за плечи, заглянула в покрасневшие от слез глаза.

– Ты уверен, что они тебе задали только этот вопрос?

– Нет, они еще спросили, приехала ли с вами молодая девушка, ваша послушница Анна.

– И ты что ответил?

– Я сказал, что знаю только мать Каталину, но видел с вами девушку с черными глазами.

– Мне все понятно, отпусти его! – приказала Каталино Беппо.

– Как это отпусти, я его сейчас хорошенько выдеру! – бушевал Беппо, найдя наконец хоть какое-то подобие козла отпущения.

– Альдо не виноват, он просто ответил на заданный вопрос, – спокойно возразила мать-настоятельница.

– Чтоб я тебя больше не видел, пошел на кухню! – Беппо с явным сожалением выпустил подростка, тот, не дожидаясь повторного приглашения, ринулся наверх, только пятки засверкали, хозяин постоялого двора повернулся к настоятельнице.

– Почему вы уверены, что он не виноват? И почему вы спросили об Анне?

– Это слишком долгая история, Беппе, и лучше тебе ее не знать...

Воцарилось молчание. Хозяин терпеливо ждал. Наконец мать Каталина тихим голосом спросила:

– Ты брал сегодня кого-нибудь в поденщики?

– Конечно, как всегда перед праздником, сама же знаешь, что сейчас паломников море, одним нам не управиться.

– Кого ты взял?

– Двоих: Антонетту, я ее всегда беру, и другого, ее дружка, как же его зовут?! Балдассаре.

– Ты их хорошо знаешь?

– Антонетту – да, а Балдассаре она мне привела, я его раньше никогда не видел. Сейчас я тебе их покажу.

Но расспросы Антонеты, глупой рыхлой брюнетки с побитой оспой лицом и круглыми глазами, ни к чему не привели. Оказалось, что с Балдассаре она познакомилась только вчера, и тот ей обещал отдать половину своего сегодняшнего заработка. Балдассаре же след простыл.

– Нам опасно здесь оставаться, Беппе, ты можешь найти для меня убежище?

– Конечно, у меня за городом живет брат, – кивнул головой детина. – Вы знаете, кто подослал убийц?

– Знаю, – грустно ответила настоятельница. – Я надеялась, что это старая история, но прошлое имеет вредную привычку возвращаться...

Беппо оставил мать-настоятельница с Анной в собственной спальне, крепко заперев дверь и приставив собственного помощника Гаэтано охранять ее, а рано утром сам проводил женщин в безопасное место за городом, пообещав найти и привести к ним друга матери-настоятельницы, духовника монастыря Паоло Кастаньо. Тот явился ближе к вечеру, растроганно обнял настоятельница. Так они и простояли вместе несколько минут: высокий, сухощавый Паоло со строгим лицом аскета и осанкой аристократа и небольшая, кругленькая Каталина. Следом Паоло взял за руку Анну. Та сидела неподвижно, уставившись в одну точку и ни на что не реагируя. Паоло вздохнул и отпустил ледяную руку своей ученицы. Показал глазами на дверь в соседнюю каморку и вышел, Каталина последовала вслед за ним.

– Теперь расскажи мне, что произошло, – коротко попросил он.

Паоло слушал внимательно, не разу не прервал, только по мере повествования матери Каталины черты лица его заострились, и в глазах запылал гнев.

– Ты уверена, что наши враги отравили всех твоих сестер с одной единственной целью – уничтожить Анну?

– Да, подумай сам, кому еще могли помешать мои дочери?! – голос матери-настоятельницы задрожал.

– Тогда почему Анна осталась в живых?!

– Тот, кто подлил яд, не знал, что нас с ней не было, я сказала Беппе, чтобы нас не ждали. Я давно обещала показать Анне базилику Эмилио, и мы вряд ли могли вернуться вовремя,

но путешествие было утомительным, и я не хотела доставлять неудобства сестрам, особенно сестре Агнес, сам знаешь, что паломничества с годами ей давались все труднее и труднее.

– Убить пятерых, чтобы разделаться с одной?! Каким чудовищем надо быть!

– Да, вот именно, чудовищем, готовым на все, и которое ничто на свете не остановит!

Оба замолчали.

– Неужели нет выхода?! – горестно спросила Каталина.

– Пока не знаю, – честно признался Паоло, и добавил, – хотя у меня есть одна идея, вы отправитесь со мной.

– Хорошо.

– Я могу поговорить сначала с Анной?

– Она все время молчит, плачет и молится!

– Что ей известно? Ты ей рассказала правду?

– Чтобы добить ее окончательно?! Ты думаешь, ее рассудок вынесет еще одно потрясение после всего случившегося?

Паоло кивнул.

– Ты права, но нужно объяснить, что ей угрожает опасность!

– Хорошо, это я ей объясню, но без каких-либо подробностей! Просто скажу, что у нее есть невидимые враги! А кто они, мне неизвестно!

– Так действительно будет лучше! – согласился Паоло. – Сколько времени тебе понадобится на сборы?

– Ты знаешь, что немного... – впервые за последние дни улыбнулась Каталина.

Анна последовала за Паоло и настоятельницей, не задавая никаких вопросов. Ей было все равно, ее жизнь остановилась и осталась там, на постоялом дворе, рассеявшись, как дыхание ее сестер. Даже разговор с Каталиной по прибытии не вывел ее из молчаливого равнодушия. Ее жизни что-то угрожает? Какая глупость, угрожать можно живым, тем, кто чувствует, как бьется сердце, как хочется плакать или смеяться, радоваться прикосновению любящих рук, для кого страшно покинуть этот мир! А ей все равно, да и потом, как можно бояться освобождения!

Каталина настаивать не стала, они уединились с Паоло и долго шушукались, вырабатывая план действий. Потом он оставил женщин и отправился в направлении, известном ему одному. Отсутствовал мужчина до вечера, вернулся усталый и на расспросы Каталины только безнадежно развел руками. Мать-настоятельница повздыхала и еще усерднее стала молиться, не оставляя свои четки ни на минуту. На следующий день все повторилось. Только через три дня Паоло вернулся раньше обычного и на этот раз с просветленным лицом. Анне было тут же объявлено, что завтра ее представят одному из знакомых Паоло: кардиналу Виссариону Никейскому. Анне имя кардинала ничего не говорило, а прочее ей было неинтересно. Но Паоло продолжил свои объяснения. Кардинал Виссарион в свое время был греческим архиепископом и самым яростным сторонником Флорентийской унии православной и католической церкви. Поэтому именно ему Папа поручил воспитание потомков императорской фамилии, павшей под натиском турков Византии. Святой престол дал убежище брату последнего императора Восточной Римской империи Фоме Палеологу и его семье. И сейчас Виссарион активно искал компаньонку для выросшей в изгнании дочери Фомы – Зои Палеолог. Барышне нашли царственного жениха в далекой стране где-то на востоке со странным названием Московия, и она должна была отправляться туда. Край этот был богат и обширен, Папа рассчитывал заключить с московским царем военный союз, и Зоя Палеолог служила залогом будущего сотрудничества. Паоло Виссариона знал неплохо. Он слыл большим знатоком древних языков, и кардинал обращался к нему с переводом нескольких текстов, найденных в спасенной части библиотеки Палеологов. Поэтому Паоло и решил представить кардиналу воспитанницу Каталины, надеясь, что Анна подойдет на роль компаньонки. А что лучше расстояния сможет защитить ее

от невидимых врагов! Каталина сначала всплеснула руками, но после недолгого размышления смирилась.

На следующий день Паоло привел Анну к большому дому в самом центре Рима. Кардинал жил неподалеку от папского дворца, и в доме ничего не говорило о нищете, подобающей слугам господ. Наоборот, чертоги кардинала утопали в роскоши, разительно отличаясь от скромных апартаментов, виденных Анной до сих пор. После первого обмена учтивостями и представления Анны, Паоло сразу перешел к делу.

– Слышал я, что ты ищешь компаньонку для византийской наследницы?

– Ишу, – согласился Виссарион, – у тебя есть кто-нибудь на примете? Не говори мне, что эта юная монахиня и есть твое предложение? Мне нужна светская девушка!

– Анна еще не приняла сан, она – воспитанница матери Каталины из монастыря Святого Бенедикта.

– Кто ее родители?

– Она – сирота.

– То есть ее происхождение неизвестно. Не хотел бы огорчать тебя, но мне нужна девица знатная, хорошо воспитанная, образованная.

– Анна в монастыре была самой способной ученицей! И поверь мне, ее воспитанию и уму может позавидовать любая знатная девица! Всем известно высокое происхождение матери Каталины!

– Но эта девушка – никто, она же не родственница Каталины! Подумай сам, что скажет Папа, если я предложу в компаньонки наследнице Великой империи простолюдинку, пусть даже воспитанную и образованную!

– Великой империи больше не существуют, и, насколько мне известно, все более или менее знатные римские, флорентийские, миланские и неаполитанские семейства отклонили твои просьбы, никто не собирается отправлять дочь в неизвестную никому страну с наследницей без трона. Папа возлагает большие надежды на этого варварского царя, и вроде бы страна его обширна и богата, но это слишком далеко от самого скромного определения удачного замужества! Или я ошибаюсь? – Паоло поднял внимательный взгляд на Виссариона.

Тот только кивнул головой.

– И потом, Анна вовсе не простолюдинка! Она – незаконнорожденная, это да, но род ее отца может похвастаться и древностью, и большими заслугами перед святым Престолом!

С этими словами Паоло подошел к Виссариону поближе и прошептал ему что-то на ухо. Тот вскинулся и как-то совершенно по-новому взглянул на застывшую девушку.

– Не может быть! Неужели правда! Когда-то об этом шептались по углам, но я не придавал этому значения!

– Нет, не выдумки, перед тобой живое подтверждение! Анна – его дочь!

Виссарион замолчал, он рассматривал стоящую в отдалении девушку словно только сейчас увидел ее. «Господи, как похожа, его глаза, черные как гроза, та же мраморная кожа и нос с горбинкой, поменьше и поизящнее, но его, и эти страстные губы сластолюбца, а от матери ничего!» Та была золотистой блондинкой с глубоким как море фиалковым взором. Другая картина семнадцатилетней давности встала перед ним: золотистые кудри в багровых отблесках пламени... Кардинал вздрогнул и помотал головой, словно отгоняя кошмарные видения, и уже другим тоном добавил:

– Что ж, так тому и быть, тем более, ты прав, и твоя воспитанница нам нужна живой, и что лучше расстояния может ее защитить!

Через пару дней кардинал Виссарион послал за Анной закрытую повозку. Паоло сопровождать ее не пригласили. Карета долго петляла по узким улицам и остановилась возле большого дома. На крыльце ее встречал кардинал. Он проводил Анну внутрь и без особых церемоний представил Зое Палеолог. Наследница великой империи оказалась полноватой особой

легкомысленного вида с приятным выразительным лицом. Она оживленно болтала с окружающими ее молодыми людьми, иногда переводя заинтересованный взгляд на Анну и благожелательно улыбаясь. Девушка внимательно выслушала Виссариона. Потом еще с минуту поболтала, следом, очаровательно улыбнувшись, приказала оставить их одних.

Оставшись наедине с Анной, она так же внезапно прекратила улыбаться. Молчание затянулось. Зоя о чем-то размышляла, остановив на своей гостье изучающий взгляд непривычно больших карих глаз. Та спокойно ожидала, ей было все-равно, первый шок прошел, и она словно заледенела, как-будто мозг ее покрылся инеем как защитной оболочкой, стараясь выдержать и не поддаться безумию отчаяния.

– Итак, если ты останешься в Италии, тебя убьют? – наконец полуутверждающе-полувопросительно произнесла наследница Палеологов.

– Да, – просто ответила девушка.

– Замечательно! – с удовлетворением заявила Зоя.

Анна оторопела и изумленно вскинула брови.

– Значит для тебя нет дороги назад! – продолжила как ни в чем не бывало наследница Палеологов. – Мы, моя дорогая, отправляемся в один конец, и возврата нам не будет!

Пять лет спустя... (Москва, октябрь 1477 года)

Который год сидела в Москве чужестранка коварная, змеюка подколотная Зоя Палеолог. Хоть имя свое змеиное Зоя на русское Софья сменила, но русским именем ведь подлую, чужую душу не выправишь. Пятый год плела интриги, устраивала заговоры, душила одну за другой вольницу боярскую. На чужой, византийский манер жизнь русскую организовать вздумала. "Так ведь разве правое это дело – уставы дедов и прадедов на греческие порядки менять! – раздумывал, покачивая головой, дворянин Государева двора Михаил Степанович Лыков. – От Византии ихней ничего не осталось, который год бусурманин в Царьграде сидит. А Москва-матушка стояла и стоять будет". Горькие думы одолевали Михаила Степановича со вчерашнего вечера. Обидел его Гусев, молодой щенок византийской принцессы, еще как обидел! Перед всеми унизил. Вперед него к великому князю подошел с докладом и спиной еще заслонил, да так Лыкова и не видно было, как будто он не дворянин Государева двора, а совсем никто. А потом еще и перебил, когда Лыков слово перед Иваном Васильевичем держал, вроде бы как поправил.

Лыков снова вздохнул и помотал головой. Думушки заворочались тяжелыми камнями: "Вот беда-то! Не было лиха, так черти заморские, папа с кардиналами своими, полный короб наволокли, как придумали в невесты князю Зойку эту поганую предложить! Не иначе как извести начисто веру истинную, православную, порешили. А князь у них как паинька на поводу пошел. Теперь эта подлая интриганка всем крутит! Да и князя словно подменили. В кровати стал государственные дела решать! Раньше Иван Васильевич любил как в старину "против себя встречу", когда бояре с воеводами спорили да жизни учили, покорно все выговоры слушал. Так бывало воевода Дорогомилов, князь Патрикеев или дьяк Федор Курицын начнут говорить, то князю и слово вставить не удастся. Только когда уважаемые бояре закончат, тогда и князя черед приходит. Теперь даже в палату входить трижды согнувшись надо. И кланяться, как перед иконой, в пояс, а то и до земли. А ежели что не так, то гнев великого князя страшен, а в опалу попасть проще простого. Время худое – из Москвы никуда не уйти, ни к ярославским, ни к тверским, ни к угличским Васильичам! Все теперь только на Москву глядят... И где это видано, чтобы баба в государственных советах участвовала! Оно ведь известно, что у них только волос долог, а ум короток! Лыков даже сплюнул от досады! Перед взором как наяву встала вчерашняя картина, когда Софья в Думной Зале на почетном месте рядом с князем восседала и говорила со всеми на равных.

Конец пришел Руси! И какие дела стали твориться! Сатанинские!" – одумал и осенил себя крестным знаменем на всякий случай. Вспомнил молодого Бориску Холмогорова, найденного изрезанным, а самое страшное, что даже после смерти поизмывались над ним: голову отрубили, оскопили и причинное место в рот засунули, словно по дьявольскому наущению, да еще не теле места живого не оставили. За что ему такую лютую смерть? Бориску он знал хорошо, тот служил в его столе. Хотя служил так себе. Ленивый был Бориска, не прилежный, одна печаль-забота погулять, попить да за красными девицами поволочиться. Лыков его взял к себе, чтобы слово сдержать. Товарищу своему, покойному Прокопию Холмогорову, пообещал о семье его позаботиться. С Прокопом вместе на Литву ходили, только тот из последнего похода не вернулся, в засаду попал. Вот из-за товарища погибшего отпрыска его и терпел. А вчерашнего дня и дружка Борискиного, Глеба Добровольского за корчмой на Смоленской дороге нашли. Сам слышал, как пристав Андрей Дорогомилов князю Патрикееву докладывал. Следом на Ростовской дороге троих коробейников след простыл, на кузнеца Богдана Еремина рядом с кабаком напали, так отчехвостили, что плашмя лежит и смерти дожидается, а известной знахарке бабе Манефе голову начисто снесли, а кто неведомо. Ну знахарку наверняка сам лукавый и обезглавил, всем известно, что она с ним зналась, вот, видимо, и не поделили что-то. А остальных-то за что?! Столько народу за два дня погибло! Совсем разбушевался хвостатый! А все из-за нее, из-за Зойки!

Перекрестился на всякий случай и молитву прочитал, потом вернулся к самому важному, что уже несколько месяцев покоя не давало. Вот уж не думал, что так трудно будет сыночка единственного, Васю, на службу во дворец пристроить. К себе в приказ брать – засмеют, что мол, совсем ни чести, ни влияния у Лыкова не осталось, сыночка писарем к себе в стол брать. Но пока все старания Михаила Степановича ни к чему не привели. Жена, Прасковья Игнатьевна, с утра до вечера только об одном и говорила, как Васеньку в люди вывести.

Дверь отворилась, и в кабинет Лыкова вошел подъячий Иван Мельников. Мужчина еле заметно поклонился.

– Спрашивали, Михаил Степанович?

– Конечно! Ты где был? Второй час тебя жду, – не скрывая недовольства, пробубнил Лыков.

– Задержался с купцами новгородской гостиной сотни, опять жалуются, мол, поборы высокие!

– Раз высокие, так и не торгуйте! – мотнул головой Лыков.

– Так ведь не скажешь, я им по-другому объяснил, мол, зато на ярмарке самые лучшие места им выделили, они с двойной выгодой свой товар продать смогут, от лихого народа их защищаем, дороги обезопасили, а стражникам тоже платить надо... Опять заказ им на пищали дали, могли ведь и без них обойтись! Вон как московская гостиная сотня на нас обиделась, что новгородцев выделяем! Их голова, Матвей Никитин, недавно только приходил, но я его успокоил, что сегодня у новгородцев праздник, а завтра – и у вас будет, зато мол, Новгородское вече вам отказать не посмеет, когда со своим товаром поедете!

– Твоя правда, – согласился Михаил Степанович. – С Матвеем ссориться не резон, слухи уже ходят, что скоро не просто головой гостиной сотни, а гостем (крупным купцом – прим. автора) станет, дьяки в разрядном приказе вроде уже и жалованную грамоту на гостиное имя приготовили.

– Быстро поднялся Никитин, – не без зависти покачал головой подъячий.

– Быстро, говорят большими деньгами ворочает, не меньше десяти тысяч обороту в год, сам на Югру, на Северное море ездит, ему уже и воеводы не указ. Ну да ладно, ты все честь по чести выправил, и то хорошо.

Своему подъячему Лыков доверял. Большого ума человек. Поэтому как только с докладом к Патрикееву или к Курицыну идти, всегда сначала с Иваном посоветуется. Так всегда все

складно у него и получалось. А уж с торговым людом общаться равного Мельникову не было. Самые выгодные дела через их стол проходили, и купцы в накладе не оставались, благодарили. Лыков и думать забыл, что с войны голым и босым вернулся. От дедовского удела ему только пара захудалых деревенок и досталась, а холопов так вообще полтора человека. Приданого за Прасковьей тоже негусто получил. Думал, что заслуги отца Прасковьи Игнатьевны да родство с воеводой Ильей Алексеевичем Дорогомиловым подсобят. Только с воеводой все неладно получилось, до сих пор Илья косо смотрит, а вроде военными товарищами были! Хорошо хоть Великий князь заслуги Прасковьиного отца помнил и столом в приказе Большой казны назначил заведовать, и не каким-нибудь, а тем, которому торговые люди подчинялись. А купцы – народ понимающий и благодарный. Так что сейчас хорошо зажил, вот бы Васю к делам пристроить, а там можно и на покой.

– С Васей никак не получается, – пожаловался Михаил Степанович, – может посоветуешь что?

Мельников заботу своего хозяина выслушал, поразмышлял и выдал на-гора:

– Сходили бы вы, Михаил Степанович, к княгине Софье с поклоном. Великий князь вас не жалует, сами не знаем, что ему воевода Дорогомилов наговорил. Так что, тут старайся не старайся! А княгиня, может, и пожалеет. Тем более чужая она здесь, людей, пришедших с поклоном, не часто видит. Знает, что бояре ее ненавидят. Но только на латинян своих да греков опираться ей не просто. Так что ищет она опоры и в боярстве, и в дворянстве московском. Попробуйте, дворянин, попытка не пытка.

Все перевернулось внутри Лыкова, но виду не показал, только засопел слегка. Потом собственной выдержке и хитрости порадовался. Шут его знает, снюхался, небось, с княгиней. Он сам-то из посадских выбился, ни роду, ни племени. "Хотя именно таким сейчас почет", – горько вздохнул дворянин, совершенно забыв, что минуту назад сам же своего подъячего восхвалял до небес. Мельников вышел, а Михаил Степанович так и остался сидеть, поглаживая седую бороду. Был он человеком степенным, неторопливым. А что торопиться, это пусть простой люд торопится, а родовитому человеку держать себя уметь надо. Потом так же не спеша приказал возок запрягать и отправился домой. Только и там отдохнуть не пришлось. На пороге уже ждала его жена, Прасковья Игнатьевна. Лыков взглянул на нее и тут же отвернулся. Но от жены отвязаться не удалось, та была настроена решительно.

– Разговаривал ли ты с воеводой?

– Что прикажешь, каждый день Илье Алексеичу надоедать?

Прасковья с огорчением мотнула головой, но от мужа отставать не собиралась.

– Может Иван тебе что-нибудь путное подскажет? – вспомнила про мужниного помощника Прасковья.

– Подсказал уже, да только такими советами сыт не будешь. Придумал у царевны царьградской милости просить! – на этот раз своего возмущения Лыков не скрывал.

Но реакция его жены оказалась совершенно противоположной той, которую он ожидал.

– А может и правда, – вскинулась Прасковья Игнатьевна с надеждой, – может, поможет Васятку во дворец пристроит. Сам знаешь, Илья на тебя до сих пор косо смотрит. И другие не помогут, ты вон сколько князя Патрикеева за Васятку просил, а он все подожди да подожди, а чего ждать? Пока у Васятки волосы седые появятся, а нас на погост свезут!

– А царевне царьградской я что, кумом прихожусь, чтобы она за Васятку заступилась? – резонно возразил Лыков. – Чин теперь сложнее стал.

Но разве бабу переговоришь, если она себе что-то в голову вбила! Прасковья Лыкова особым умом не отличалась, зато упрямства ей было не занимать.

– Сложнее – не сложнее, а попытка не пытка. Авось и Васятке нашему повезет, глядишь и вовсе кравчим возьмут. Вон какой он у нас молодец и красавец!

Лыков благоразумно промолчал. Упомянуть, что единственный выживший из всех их детей сын не отличался ни красотой, ни храбростью было себе дороже. Кроме того, к учению отрок был неприлежен, грамоту освоил еле-еле, а все время пропадал на заднем дворе с кузнецом и оружейником. Он тут же пожалел, что поделился с женой. Теперь волей-неволей придется добиваться Софиной милости.

Прасковья же после разговора с мужем напрямиком направилась на задний двор, дворовые, как только увидели барыню, сразу зашевелились, изображая усердную работу. Но Прасковье было не до них, она только беззлобно дала оплеуху неловкой девке, разлившей лохань с помоями, и направилась к грохочущей и пыщащей жаром кузнице. Внутри голые до пояса и черные от дыма фигуры ловко двигались от наковальни к чану с водой и кипевшему на огне переливающимся красным золотом металлу.

– Васятка! Васятка! – постаралась перекрычать она звон молотков.

Одна фигура отделилась от остальных и направилась к барыне.

– Маменька! Что-то случилось?!

Прасковья выволокла фигуру на воздух и поставила перед собой, грозно уперев руки в боки. Высокий и угловатый парень в кожаном фартуке неловко улыбнулся.

– Опять ты здесь! Ведь кто узнает, сраму не оберешься! Сын дворянина Государева двора и с кузнецами якшается! Разве тебе пристало своими руками работать-то?! Грех это!

– Так мне нравится в кузне-то, маменька! Да и какой это грех, посмотри какой топор я сегодня выковал, даже Архип удивился!

– Топор! И за что мне наказание такое! Вымойся сейчас же и пойдешь с тятенькой во дворец Великого князя!

– Что я там забыл?! – насупился юноша. – Да и не умею я все это, маменька, лучше я на кузне!

– Сказано тебе, иди сейчас же мойся и одевайся! – приказала Прасковья. Парень со вздохом последовал за ней. Перед крыльцом поотстал, словно примериваясь, куда бы скрыться.

– И не думай даже! – не оборачиваясь посоветовала Прасковья. – Иначе вообще к кузнице не подпущу, а Архипа твоего в дальнюю деревню отправлю, он – холоп наш, деваться ему некуда. Услышав угрозу, парень побледнел и с обреченным видом последовал в дом.

Глава 2

Верховная боярыня или, что было для нее гораздо привычнее, придворная дама Великой княгини Московской Софьи Палеолог, Анна Рикарди сидела за столом в своей спальне. Хотя эту светлицу назвать спальней можно было лишь с большой натяжкой. Комната больше походила на рабочий кабинет, настолько она была плотно, до потолка, уставлена полками с тяжелыми рукописными томами и свитками самых разных величин и размеров. Анна поежилась и закуталась понадежнее в заячью душегрейку. Конец октября, а холодно, словно зимой. Все бы отдала, лишь бы осень продлилась еще немножко. Но зима, холодная русская зима с долгими вечерами и снежными бурями, неумолимо приближалась. За пять лет она привыкла уже ко всему в этой странной стране, только зима по-прежнему была в тягость. Нет, конечно, один-два месяца проходили очень даже весело. Но под конец ее всегда начинало лихорадить, и только бурная деятельность отвлекала от тоски. Впрочем, и эта зима пройдет, бодро утешила она себя и встала из-за стола.

Только сейчас почувствовала, как устала. Весь день провела за книгами, пытаясь расшифровать рукопись, о существовании которой узнала год назад и потратила шесть месяцев на поиски. Следы рукописи вели в один из горных монастырей Сербии. И вот, наконец, свиток был перед ней, но задача легче от этого не стала. Тем временем дверь приоткрылась, и в комнату неслышной тенью проскользнула детская фигурка. Девочка развернулась и стали заметны слегка морщинистое личико, седые пряди в волосах. Это была маленькая, не больше десятилетнего ребенка, карлица. Хотя сложена она была почти гармонично. Получалось, женщина в миниатюре. Звали карлицу Василисой. Анна подобрала ее на постоялом дворе недалеко от Пскова. Труппа скоморохов оставила метавшуюся в горячке маленькую женщину на произвол судьбы. Хозяин постоялого двора уже собирался выгнать больную, но Анна не позволила. Она не только в течении трех дней упорно выхаживала Василису, но и забрала ее с собой в Москву. С тех пор карлица стала для нее не только верным и преданным другом, но и надежным помощником. Во всяком случае, именно Василиса, отличавшаяся пронырливостью куницы, ухитрялась проникать в самые глухие закоулки дворца. Она умела скользить невидимой тенью, открывать заветные двери, подслушивать самые секретные разговоры, добывать одной ей известными способами самые разнообразные сведения. И вскоре Анна, а благодаря ей и Софья, стали разбираться в хитросплетениях подковерной дворцовой борьбы не хуже старожилов. Василиса стала ушами и глазами Анна и, когда нужно, ушами и глазами византийской принцессы.

Услышав за спиной шелест, означавший появление верной служанки, Анна вздохнула, но глаз от свитка отводить не стала. Она слышала возмущенное сопение и ждала, когда, наконец, иссякнет терпение маленькой женщины. Ожидание оказалось коротким.

– Опять вы, барыня, всю ночь за книгами провели! – произнесла с хорошо различимым негодованием в голосе Василиса. – Не жалеете вы себя, ой не жалеете!

Потом окинула испытующим взглядом свою хозяйку и сжала решительно губы. Анна была явно измождена. Снова великая княгиня взвалила непосильное бремя на свою верную придворную даму. Василиса догадывалась, в чем было дело. В том самом толстом свитке, который появился неделю назад на рабочем столе Анны. С этого дня ее хозяйка и денно, и ночью сидела над книгами.

– Почему вы себя так изводите, боярыня? Не сдюжите ведь!

Действительно, ночные бдения не украшали ее хозяйку: глубокие тени залегли под черными глазами, а лицо посерело. Но не только это. Высокий лоб был угрожающе нахмурен, тонко очерченные пухлые губы плотно сжаты, придавая изящному, словно вылепленному опытной рукой скульптора, лицу неожиданную для ее двадцати двух лет суровость и непре-

клонность. Тяжелые, цвета воронова крыла волосы были безжалостно стянуты и завязаны узлом на затылке, только несколько непокорные вьющихся прядок выбивались, словно сопротивляясь желанию хозяйки уничтожить в себе всякий намек на принадлежность к женскому полу.

– Своей красоты не жалеете! – не скрывала своего раздражения верная служанка.

– Она мне ни к чему, – с неожиданной горечью отозвалась Анна, – ты прекрасно знаешь.

– Была бы я такой как вы барыня. Эх... какой бы жизнью зажила! А вы все монашеской сидите. Постриг ведь все равно не приняли, помешали вам, а может так и Господу было неужгодно, чтобы вы себя в монастыре заперли!

– Василиса, замолчи!

– Нетушки, вы меня молчать, барыня, не заставите. Себя изводите чтением этим дьявольским, а в знании только печаль, и радости нет никакой! Вышли бы в сад, воздухом подышали, да ноги размяли...

– В сад выйду, только оставь меня в покое, – пообещала Анна, прервав словесный поток карлицы. Она слишком хорошо знала, каким будет продолжение. Но Василису могла остановить только шаровая молния.

– Милого друга вам надо завести, боярыня. Неужели никто вам здесь не глянется?!

– Василиса, милая, – лаской попыталась урезонить свою служанку боярыня, – мне у Великой княгини эти разговоры поперек горла встали, и ты мне покоя не даешь! Постыдись!

– Нету никакого стыда в том, чтобы человека спасти. И княгиня Софья права, когда вам говорит, что не всякий муж умной женщине помеха. Иссохнете, а ведь печали нет никакой. Все с книгами да с книгами. Глаза все проглядите, а что в них, этих книгах-то, хорошего, дурь одна заморская!

– На этот раз ты не ошиблась, Бог видит, что не ошиблась, – рассмеялась Анна, – дурь в этих книгах есть и еще какая!

Как пообещала, спустилась в сад. Октябрь уже обессилел, но пока еще не думал сдаваться диким зимним ветрам. Пахло мокрой пожухлой травой, дымом и почему-то яблоками. Она оглянулась и увидела около лестницы корзину, доверху наполненную крепкими желтовато-румяными плодами. Выбрала одно и с удовольствием надкусила, сладкий сок потек по подбородку. Вдохнула полной грудью чистый, свежий воздух и улыбнулась впервые за столько дней. Василиса была права: трактат мог быть в самом деле дурью заморской, настолько все в нем казалось неправдоподобным. Принадлежал он перу некоего Порфирия, византийского монаха и аптекаря. Этот человек, живший больше пятисот лет назад, объехавший полсвета, рассказывал в своих записках о самых удивительных лекарствах и снадобьях. Анну интересовало одно из них: рецепт зороастрийских магов, позволявший женщине не только зачать, но и выбрать пол будущего ребенка. Проблема была в том, что рецепт монахом был приведен в оригинале. Поэтому Анне и пришлось потратить столько времени, чтобы перевести названия необходимых ингредиентов. Но было несколько слов, а главное мер, соответствия которым, как ни билась, найти не смогла. С сожалением оглядела сад, с каким бы удовольствием она провела бы здесь весь день. Но дело было слишком срочным.

Поднялась к себе и немного подумав, села за стол. Решительным жестом придвинула чернильницу и быстро заводила пером по желтоватому листу бумаги. Письмо было адресовано единственному человеку, к которому она могла обратиться с такой деликатной просьбой: другу матери-настоятельницы – монаху Паоло Кастаньо. Паоло был духовником монастыря, и с матерью-настоятельницей его связывала давняя дружба. Анна догадывалась, что это за этой дружбой скрывались старательно подавляемые чувства совсем иного толка, но благоразумно помалкивала. И для маленькой воспитанницы Паоло стал настоящим наставником. Именно его заслугой являлось всестороннее образование девушки, в которое помимо новых и древних языков, риторики, глубокого знания евангелий, вошли и естественные науки. Благодаря

Паоло Анна была хорошо знакома с астрономией, астрологией, метафизикой и алхимией. Но особенно Анне нравился тот путь постижения истины, который больше всего уважал Паоло и называл логикой.

– Ты должна запомнить, Анна, что только напыщенные глупцы бездумно повторяют всем известное и месяцами готовы спорить о всякой дури, выстраивая бесконечную цепь нелепостей. Если хочешь познать реальность, то ты должна как Абельяр иметь смелость сопоставлять противоречивые высказывания и не бояться спора, который чаще всего и приводит к истине. И, как Бэкон, стараться видеть мир таким, какой он, есть благодаря опыту и рассуждениям, а не подстраивать окружающее под готовый набор аксиом.

Анна оказалась способной ученицей, и сколько раз она благодарила Паоло за его уроки. Не было бы их, как знать, смогла бы она так блестяще и не раз выпутываться из самых сложных ситуаций, в которые вовлекала ее непростая дворцовая жизнь Московского Кремля. И сейчас вновь ей нужна была помощь старого монаха. Как отделить правду от лжи, истинное от ошибочного? Подумав, она решила привести весь рецепт и заодно спросить, что старый монах думает о нем. В таком деликатном деле она могла рассчитывать только на Паоло. Если эта информация попадет в руки кого бы то ни было, не сносить им с Софьей головы. Хитрость и осторожность своего друга она знала и была уверена, что может довериться ему без оглядки. А для письма использовала шифр, который они когда-то изобрели с Паоло. Код был простым: смысл имело каждое пятое слово, все же остальное было пустой болтовней. Оставалось только составить связный текст, не вызывающих ни у кого подозрений, что было задачей хотя и трудоемкой, но выполнимой. Пока придумывала ни к чему не обязывающие описания нравов и обычаев Московии, время приблизилось к полудню. Василиса вернулась и насупилась.

– Опять за столом!

– Василиса, это очень срочно и мне нужно окончить, – вяло защищалась Анна, – ты же собиралась на ярмарку!

– Уйти-то я уйду, да только, если к приходу моему вы так же за книгами своими чахнуть будете, то вы меня услышите! – грозно пообещала служанка, с шумом захлопывая за собой дверь.

Анна с облегчением вздохнула. Если повезет, то от Василисы она избавилась до вечера. Усилив воли переключила свои мысли, и перед глазами встала другая пора ее жизни, когда она только открывала для себя Московскую Русь, неведомую, странную, такую отталкивающую и притягательную одновременно, страну, которой предстояло стать ее второй родиной. Вспомнила, как та Европа, которую она знала – каменная, с неприступными городами и высокими замками, сменилась постепенно плоской, без конца без края равниной с небольшими, с трудом отвоеванными у природы полями и дремучими, непроходимыми лесами, в которых непривычному путнику было легко заблудиться. Страна была населена редко и скудно. Городашки маленькие, деревянные, напоминавшие больше непомерно разросшиеся села, где каждый жил своей усадьбой. Поселения эти казались беззащитными, как и вся огромная, раскинувшаяся вдоль и поперек страна. Не было привычных для нее крепостей, а только земляные валы и деревянные стены... от кого они могли защитить? Какую осаду выдержать? Упала искра и нет города, одна куча пепла. Но удивляли люди, привычный ко всему народ, для которого невозможное казалось возможным, который поохав да поахав отстраивал за одно лето только исчезнувшую слободу, обживался, радовался самым незначительным пустякам и упрямо, год за годом, отодвигал границы и без того немерянного государства. Жил бедно, скудно, только великокняжеские палаты да усадьбы нескольких видных бояр и государевых слуг, да и тем было далеко до высоких, соперничавших с небом, каменных замков и церквей той Европы, к которой она привыкла.

Москва, как и вся Русь, была странной, беспрестанно меняющейся и непонятной. Стоило путешественнику увидеть издали Москву, он был поражен великолепием города. Особенно

летом, когда среди обильной зелени садов вырастали золотые купола и белые стены церквей. Подъезжал усталый путник к сказочному граду, и рассыпалось все как мираж. Чудесный град Китеж исчезал, пропадал на дне морском, и на его месте постепенно вырастали разбросанные как попало маленькие домишки со слюдяными оконцами, огородами и пустырями, на которых копались в грязи тощие свиньи и облезлые козы. Церкви вблизи не казались уже такими красивыми. Они были маленькими, приземистыми, и только золото куполов также сияло в синем небе, словно вознося безмолвную молитву суровому небу. Улицы были широкими и неухоженными. Кое-где показывались, правда, дощатые тротуары, но там, где они кончались, путь свой приходилось продолжать по жирной, радостно чавкающей грязи. Только зимой и летом, в самую сушь, отдыхал путешественник.

Выросшей в Италии Анне сначала все казалось непривычным. Даже одежда – непривычно широкая, просторная – удивляла. Хотя уже вскоре она находила ее приятной и удобной, если не усердствовать с украшениями и не надевать, как местные боярыни с княгинями, по три-четыре платья одновременно. От кухни с непривычки все время тянуло в сон. Но человек так устроен, ко всему привыкает. У Анны выбора не было. Свита Зои была ее спасением от безжалостного и невидимого врага. Кто ее преследовал, она не знала. Мать-настоятельница молчала и выбить что-либо из нее было невозможно. Поэтому единственное, в чем была уверена Анна, это в том, что пощады ей не будет. Хотя в новой жизни были и свои многочисленные плюсы.

Во-первых, в Москве дышалось легко и просторно. Не было узких, затопленных нечистотами улиц европейских городов. Она вспоминала, как чуть не задохнулась в свою первую поездку во Флоренцию. Тогда они с матерью-настоятельницей пробирались по узким улочкам, старательно смотря под ноги. Пробивающее ноздри зловоние плотным занавесом стояло в воздухе, когда смешивались воедино запахи немытого человеческого тела, протухшего мяса, разлагающихся потрохов, гниющей рыбы! Как ни прикрывала нос куском ткани, пропитанным розовым маслом, спасения от вони, заполнившей улицы, не было. Особенно стало дурно, когда подошли к реке, вода которой вместо ожидаемой прохлады доносила только смрад густонаселенного города. В Москве же можно было дышать полной грудью, не боясь задохнуться.

Во-вторых, русский язык. Он дался ей непросто, но по-настоящему, по-хорошему помогла Василиса. Карлица в свое время самостоятельно изучила грамоту, обладала ангельским терпением, когда дело казалось обожаемой госпожи, и была наделена настоящим учительским даром. Во всяком случае, уже через год, Анна почти свободно изъяснялась и читала по-московитски, а еще через пару лет язык знала лучше некоторых коренных жителей. И если бы не еле заметный акцент, могла бы сойти полностью за свою. Кроме того, и с Софьей Анна быстро нашла общий язык. Византийская принцесса со свойственной ей мудростью быстро оценила способности своей придворной дамы, ее преданность, честность и незаинтересованность. Все это вкупе с талантами верной Василисы стали незаменимым подспорьем в битве за место под солнцем наследницы Палеологов.

* * *

В это же самое время в высоком тереме Великого князя московского солидно, чинно, как в старые добрые времена, сидели по лавкам тяжелые, медведеобразные бояре. Тихо переговаривались между собой, обмениваясь последними новостями и свежими сплетнями. Словно и не было никаких изменений. Да только степенность и неторопливость были внешними. Внутри каждого сидел, затаившись до поры до времени, страх.

Подлая чужестранка Зоя Палеолог находилась в специально отведенной для великой княгини зале и выслушивала доклад дьяка Владимира Гусева. Тот был одним из немногих москвитов, которых наградила она своим доверием. Времена были смутными. Только расправились с упрямыми новгородцами, а уже чуялись новые смуты. На западе литовский князь Казимир

собирал войско, из Орды шли тревожные вести. Даже людишки посадские почуяли некрепость власти и снова принялись за старое: подати платили нехотя, ссылаясь на тяжелые времена. Да и для московского купечества времена настали непростые. Нечем было дышать московской коммерции. Все пути и дорожки торговые были перекрыты Ганзой проклятой. Набирали силу и на святой Руси изворотливые и двуличные латиняне. Про странную смерть молодых писарей выслушала внимательно, исчезновение коробейников, избиевание купца и смерть бабы Манефы тоже приняла всерьез. Вмешаться или нет? Время покажет, сказала сама себе. Во всяком случае, ни Холмогоров, ни Добровольский к цвету московской знати не относились. Единственное, что заслуживало внимания, – слухи о дьявольских кознях, чернильным пятном растекавшиеся по Москве.

Шепоток, пока тихий и еле слышный, что мол, не иначе как Зойка подлая сатану за собой в юбке принесла, просочился и во дворец. Говорили, что не зря Кремль на Ведьминой горке построен. В стародавние времена было здесь капище, и много невинных душ принесли в жертву древним немилосердным богам. А позже стали здесь хоронить чародеев с волхвами и под страхом смерти запрещали приближаться к этому месту. Поэтому и церкви не стояли, а рушились одна за другой. Только молитвой и смирением монашеским можно было беспокойные души проклятых колдунов умиротворить. А новые порядки Софьины да мастера заморские, старину на свой лад перестраивавшие, муть-то со дна и подняли. Так мололи языками вездесущие кумушки, и бывалые мужи только качали головами в знак согласия.

Стоило бы разобраться, кто распространяет эти слухи. Софья вздохнула. К дамоклову мечу, нависшему над ее головой, она привыкла с детства. Но с момента воцарения в Москве меч этот настолько опасно приблизился к ее макушке, что даже впитавшей с молоком матери все дворцовые козни и интриги византийской принцессе иногда становилось не по себе. Хотя вначале все обещало быть более безоблачным. С самого начала Софья прекрасно разобралась в распределении сил в Московском княжестве. Почти вся земля в государстве принадлежала Великому князю, бояре же и другие удельные князья только кичились родовитостью. По привычке удерживали за собой прозвания, от прежних своих княжеств заимствованные, да только власти, богатства и опоры никакой у них не было. Не было в Московском княжестве ни независимых городов, ни укрепленных замков, в которых знатные люди могли бы жить независимо от Великого князя. Да и все уделы дедовские раздробились после бесконечного деления между всеми сыновьями да внуками, а часть и вовсе была отдана монастырям на помин души. Так из поколения в поколение привыкли жить и кормиться за счет Великого князя, даже в деревеньки свои наведывались настолько изредка, что дворня не узнавала собственных господ.

Но привыкли бояре к тому, что князь был первым из равных. И это никак не входило в планы дальновидной принцессы. Для начала она стала вводить шаг за шагом во дворец византийский этикет. Вроде бы мелочи, но эти неприметные детали день за днем накапливались, и в один не слишком прекрасный момент бояре обнаружили, что теперь они уже не равны князю. Под предлогом приведения дворцового этикета в соответствие с византийским, Зоя почти свела на нет возможности удельных князей и бояр влиять на принимаемые решения.

Следующей задачей стало окружение кремлевского дворца таким великолепием, чтобы всякий, кто видел, проникался благоговейным трепетом перед богатством и величием великого князя. Москва деревянная должна была уступить место Москве каменной. Впрочем, ее мужу, Великому Князю Московскому, богатства было не занимать. Она улыбнулась. Князь прислушивался все больше и больше к новой жене. Влияние Софьи росло. Она вспомнила недавно увиденный рисунок нового храма и улыбнулась. Братья Альбинони, архитектор и математик, были гениями. Если возможно будет построить этот храм, то он станет новым чудом света. Москва не просто поднимется вровень с лучшими европейскими городами. Она превзойдет их!

Зоя лучше кого бы то ни было понимала замыслы своего мужа. Самое заветное, нутряное было открыто ей. Если в начале она только надеялась, то теперь была уверена: стране, которая стала ее второй родиной, суждено великое будущее. У владетеля лесных задворков Европы и беспомощного ордынского данника были далеко идущие планы. Иначе и быть не могло.

Словно тень пробежала по лицу царевны, от мечты приходилось возвращаться к реальности. Она знала, какая опасность ей угрожала. Нет, не боярского гнева опасалась дальновидная царевна. Причиной ее тревоги был один единственный человек – Иван Молодой, единственный и обожаемый сын Ивана Третьего. Он еще отроком возненавидел чужестранку, занявшую в сердце отца место его умершей и обожаемой матери Марии Борисовны Тверской. Теперь же ее самому отчаянному и непримиримому врагу исполнилось двадцать лет. Шпионы Зои, пронырливыми кунницами шнырявшие по дворцу, подслушали и передали, что-де на тайных сходках поклялся Иван Молодой отправить проклятую византийку в монастырь. А в тихой келье отравить ядовитым зельем, дабы это исчадие ада не мутило Русь и не насаждало порядки свои заморские. Самые именитые и уважаемые бояре поддерживали молодого наследника. Патрикеев и Федор Курицын стали уже откровенно дерзить правительнице. Только невероятным усилием воли удавалось ей сохранять спокойствие. Но только выдержкой дело не спасешь. Единственное, что могло помочь... Она поморщилась, и суровая складка пролегла по лбу. Она должна, обязана была родить сына, иначе все пойдет прахом... На всю жизнь она запомнила уроки своего отца: "Властью, моя дорогая, не делятся. Ты должна разделять твоих врагов, но властвовать безраздельно". И Зоя Палеолог не собиралась ни с кем делиться...

От горьких мыслей великую княгиню отвлек Гусев.

– Княгиня, так что мне ответить дворянину Лыкову? – донесся словно издалика голос дьяка.

Гусев же по удивленному виду Софья понял, что та просто прослушала все, о чем он только что долго и убедительно толковал. Терпеливо повторил:

– Молит о личном приеме. Наверняка милости просить будет. Сына хочет на государеву службу пристроить, сынок молодой, да глуповат, наукам не обучен и во дворце почти не бывает, если отец его и приволокет, то забьется в угол и сиднем сидит, и ни слова, ни пол-слова, чисто в рот воды набрал. Сам не раз замечал. Ну а родитель, конечно, старается, а как же не радеть, свое, не чужое!

– А ко мне почему просится, какого он роду-племени? – пожала плечами Софья, которой было сегодня явно не до карьерных происков дворянина Лыкова.

– Род у Михаила Степановича захудалый, да жена его родственницей воеводе Дорогомилову приходится, и отец ее службу важную Василию Темному, отцу мужа вашего, сослужил. Так Михаил Степанович и возвысился, да и не беден Лыков, далеко не беден.

– А что ж у родственника своего защиты не попросит?

– Вроде кошка между ними пробежала, – задумчиво произнес Гусев.

– Кошка, говоришь... расскажи-ка мне все от начала и до конца? – встрепенулась Софья и с интересом взглянула на Гусева.

– Узнать мне удалось немного, но вроде вражда эта давняя и началась в последнем литовском походе Михаила Степановича. Вроде как воевода обвинил нашего дворянина в болтливости, и вроде бы как из-за этой несдержанности какой-то очень близкий воеводе человек погиб.

– Важный человек?

– Как сказать, – пожал плечами молодой дьяк, – звали этого человека Антип Сицкий, рода никакого, отец вроде батюшкой в одном из Дорогомиловских сел был, точно не ведаю, но воевода Сицкого отличал. Но дело это давнее, воды много с тех пор утекло...

– Для тебя, может, и утекло, а для воеводы, похоже, нет, – задумчиво произнесла Софья.

– И еще одно сведение немаловажное, – добавил Гусев. – Бориска Холмогоров работал в приказе Большой казны, в столе Михаила Степановича.

Софья внимательно посмотрела на своего помощника.

«Что ты задумал, зачем тебе этот Лыков сдался?» – пронеслось у нее в сознании, но вслух произнесла совершенно другое.

– Какая может быть связь между дворянином и никому не известным писарем?

– Бориска Холмогоров приходился родным сыном покойному боярину Прокопию Холмогорову, войсковому товарищу Михаила Степановича. Они вместе на Литву ходили, да только из того последнего похода Холмогоров-отец не вернулся, поэтому Михаил Степанович сыночка-то к себе и взял. Так что связь-то есть, да только о чем она говорит?

– Ты сказал, что Лыков небеден?

– Какой небеден! Богат Михаил Степанович, очень богат. Благодаря жене возвысился, Прасковья Игнатьевна засиделась в свое время в девках, сватов никто засылать не торопился, что говорить, ни красоты, ни богатства, одно имя да дедовская слава. Да не одна она на дедовской славе далеко уехала, – болтал Гусев.

Зоя внимательно посмотрела на дядя. Скрывалась ли за этим замечанием какая-либо двусмысленность или нет. Не пытался ли таким образом он намекнуть на ее собственное положение до замужества. Она на всю жизнь запомнила насмешки, косые взгляды, откровенные издевательства итальянских аристократов. Конечно, что она, Зоя Палеолог, могла предложить будущему мужу: отблески былого величия и права на несуществующую корону. Хотя блеск и великолепие исчезнувшей Византии могли помочь Московии стать другой страной. Софья улыбнулась. Во всяком случае, доверять в этой стране она не могла никому. Только Анне, своей верной соратнице, и то не во всем... Это она твердо усвоила. А Гусеву раздражения своего не показала, продолжая благожелательно улыбаться.

– Хорошо, приму твоего дворянина, а сейчас отправь за Анной... Хотя нет, отправь за Анной, а потом и Лыкова. А верховной боярыне передай, чтобы не медлила!

* * *

Палата, отведенная Софье для приема, была значительно меньше тронного зала Великого князя. Но дела здесь решались не менее важные. И как бы не шушукались и не злословили бояре за спиной, но на поклон к княгине приходили. Пока немногие, кто победнее да ниже родом. Другие же гордо отворачивались от чужестранки, надеясь, что вековое, исконное победит пришлицу и развеются византийские козни как дурной сон. Софья наблюдала за всеми потугами бояр спокойно, играя то роль покорной жены, то величавой нездешней королевы, то приветливой и радушной хозяйки, то легкомысленной болтушки, то богобоязненной и смиренной православной.

Вошедшая вслед за Лыковым Анна внимательно окинула взглядом палату и улыбнулась. Она уже привыкла к ролям Зои Палеолог и ее потрясающему таланту актрисы. Иногда ее восхищало это умение Софии вживаться в любой, самый неожиданный образ, иногда раздражало, а иногда пугало. Софья была потрясающе, дьявольски умна. Казалось, вся знаменитая византийская хитрость, изворотливость, умение скрывать свои намерения, плести дворцовые интриги и, главное, отточенное веками искусство коварства воплотились в последней наследнице престола тысячелетней империи. Анна улыбнулась про себя: силы привыкших к почету, извечному порядку бояр и иноземки были неравными. Даже если внешне и казалось, что ничего не изменилось, роковой отсчет времени уже начался.

Вот и сейчас Зоя играла роль добродушной королевы. Она сидела на своем, специально для нее изготовленном стуле с высокой узорчатой спинкой и изящно изогнутыми подлокотниками. Глубокого синего цвета атласный летник с воротом и вошвами золотого шитья удачно

подчеркивал удивительно белую кожу государыни и ее огромные карие глаза. Сразу по приезду в Московию Софья спрятала все итальянские наряды и стала одеваться на русский манер, как и подобало жене великого князя. Впрочем, просторное, широкое русское платье как нельзя лучше подходило Софье, скрывая излишнюю полноту. Если в Италии ее находили слишком толстой, то москвитянам она пришлась вполне по вкусу.

Лыков неловко, словно потешный медведь на ярмарке, вошел и замялся. Потом постарался поглубже наклониться, внутренне проклиная бедственное свое положение. Если бы не Вася, стал бы он перед наглой чужеземкой шапку ломать?! Зоя же внутренне улыбалась, видя старания дворянина. "Видимо, и на самом деле нужда человека прижала, если он так передо мной через силу кланяется". Но принимала ласково и даже завела неторопливую беседу. А тот, сам того не замечая, рассказал все как на духу: и про Васину неудачу, и про ссору с Дорогомиловым. Внимательно слушала Зоя, размышляя, какую пользу может принести этот увалень. Еще раз задумалась о проекте Альбинони и вспомнила, что итальянцы хотели съехать от бояр Беклемишевых и просили княгиню подобрать им другой дом. Причину такой перемены в настроении собственных гостей искать ей было недосуг, но найти им новое место жительства было делом нелегким. Постоялые дворы в Москве ни чистотой, ни комфортом не отличались, гостевые палаты дворца сгорели в недавнем пожаре... Внезапно идея промелькнула в сознании княгини, и она улыбнулась. Лучше не придумаешь.

– Ты знаешь, что строительство большое по Москве идет. Хочешь быть полезным, – медленно произнесла она, – тогда прими гостей моих как своих. Архитектора Луиджи Альбинони с его младшим братом Лоренцо. Они остановились у Беклемишевых, но хотят съехать от них. Вот у меня и просьба к тебе – прими их у себя, пока палаты для моих гостей во дворце не достроят.

Лыков слегка оторопел от такой неожиданной просьбы, потом все-таки поклонился и как можно степеннее сказал:

– Как же не принять. Добрые гости всегда в пору, и любому хозяину честь ваших друзей привечать.

– Спасибо тебе, дворянин, твоей услуги я не забуду, – многозначительно произнесла княгиня.

– А как говорить-то с ними, толмача бы мне? – спохватился Лыков, – я заморским языкам не обучен как Беклемишевы.

– Не бойся. Они долго жили в литовском королевстве, так что русский знают лучше тебя, – сказала как отрезала Софья, всем своим видом давая понять, что аудиенция закончена.

Лыков неуклюже раскланялся и вышел, осторожно притворив за собой дверь. По его недоуменному виду было понятно, что дворянин так и не решил радоваться ему или огорчаться. Во всяком случае, просьба Софьи ему показалась более чем странной, но высказывать свое удивление он не стал.

– И ты иди, на сегодня довольно, – обратилась тем временем Великая княгиня к Гусеву. Тот неторопливо собрался, старательно уложил чернильницу, перо, свитки в затыжной кожаный мешок. Глубоко поклонился и с достоинством вышел вслед за Лыковым. Анна спокойно наблюдала за всем происходящим. Она прекрасно знала, почему правительница захотела остаться наедине со своей верховной боярыней. Даже преданному Гусеву не полагалось знать то, что затевали две женщины. Слишком велик был риск.

– Почему ты решила отправить Альбинони к Лыкову, государыня? – не сдержала любопытства Анна.

– Считаешь, что я приняла неправильное решение?

– Скорее неожиданное, – пожала плечами Анна, – а твои решения очень редко бывают непредсказуемыми.

– Ты права, ничего внезапного в нем нет. Альбинони в любом случае захотели переехать от Беклемишевых, Лыков богат, для него гости – не обуза, он даже о содержании не поинтересовался. Другой бы на его месте сразу же о деньгах заговорил. Так что казне прямая выгода. Он – родственник воеводы Дорогомилова, но двоюродный брат его не очень-то жалуется. А мне Дорогомиловские враги – друзья, столон в приказе Большой казны Лыков заведует важным, и потом, ты слышала о последних убийствах и в том, что меня в них обвиняют?

– Бабы наговоры, – махнула рукой Анна, – стоит ли обращать внимание на всех этих сплетниц и их глупости!? Языком стену не выстроишь!

– Силу сплетен никогда не надо недооценивать! Стену языком может быть и не выстроишь, а вот подвигнуть на ее разрушение очень даже легко. Москвиты меня не любят, я для них чужестранка, а от чужестранки до ведьмы – один шаг. Один из убитых: Борис Холмогоров работал в столе Лыкова. Есть ли связь между его убийством и местом, где он работал, не знаю, но ты это заодно и выяснишь!

– Что могу, то узнаю, – осторожно ответила Анна.

– Ну да ладно об этом, ты все расшифровала? – было видно, что наконец Софья спросила о том, что занимало все ее помыслы.

– Почти, – коротко ответила Анна, – только мне понадобится время.

– Почему? – зрочки Зои расширились от ярости.

Анна спокойно встретила плавающий взгляд великой княгини.

– Мне нужен переводчик с персидского. Искать знатока здесь опасно, да и вряд ли найдешь, только ненужные подозрения вызовешь. Вы знаете, что нам нужно быть осторожными. В Московии может быть и нет инквизиции, зато дыба и виселица существуют и вполне успешно действуют.

Софья склонила голову в знак согласия.

– Хорошо, действуй как знаешь и помни, что надежда у меня только на тебя. Иван Молодой растет, а Патрикеев с Курицыным на него прочно лапу наложили. Молодой князь им в рот смотрит и все как «Отче наш» повторяет. Случись что с Великим князем, нам темницы не миновать. В лучшем случае в монастырь постригут, а если... – княгиня не продолжила, только с усилием сглотнула ставшей внезапно вязкой слюну.

– Почему ты так не уверена в отношении к тебе Великого князя, государыня? – пожала плечами Анна, – после всего того, что ты сделала для Московии, князь тебе стольким обязан!

– Это ты так думаешь, – возразила Софья, – князь же никогда не вспомнит ни о моих советах, ни о моей помощи! Единственное, что имеет значение – это наследник. Иначе я – никто! Ты забыла, что женщина – существо низкое, она должна внимать мужу в безмолвии со полной покорностью.

– Не для всех! – упрямо возразила верховная боярыня.

– Для большинства женщина – порождение дьявола, без души и без разума, и не нам с этим сражаться. Единственное, что может придать мне силы и власти, – это сын. И ты мне должна в этом помочь, – спокойно и твердо ответила Софья, – у меня просто нет другого выхода. Иван любит нашу дочь, но она для него – забава. Елена никогда не сможет стать наследницей, будь она даже семи пядей во лбу, никогда женщина не сможет взойти на русский престол. Мне нужен сын!

Анна хотела возразить, что не может заменить Бога, но прекрасно зная легковоспламеняющийся характер государыни, предпочла промолчать. Была ей известна и страсть Софьи к магии. Еще в Ватикане будущая Великая княгиня московская регулярно посещала известного алхимика Веронезе, обращалась к целому сонму гадалок и предсказательниц, не чураясь даже черной магии. Даже вера в свое великое предназначение ей была предсказана гадалками, и она свято верила всему сказанному.

И еще одно. Анна прекрасно понимала положение Софьи. Слишком часто участь всех королев и знатных дам сводилась к единственному: бесконечному, изнуряющему деторождению, когда королева превращалась в постоянно брюхатую самку. Только самые сильные и выносливые могли утвердиться и укрепить свое влияние на государя. И, конечно, самое заветное место – вдовы и королевы-матери, когда, наконец, как зрелое яблочко упадет в руки долгожданная, зачастую ничем не ограниченная, власть. Как знать, может и Софья в глубине души своей чаяла именно этого. В любом случае Софья готова была на все, чтобы родить сына и возвести его на престол. Вопрос о средствах в данном случае не стоял.

* * *

Лыков вышел из дворцовых покоев в полной растерянности. Не знал, огорчаться ему или радоваться. Принять иноземцев, отчего же не принять. Авось не объедят, да только к чему это все? Что ж, хоромы у него такие, что и заморских гостей принимать не зазорно. Только бы не попасть впросак! Да и как понимать все это – как почет или ловушку? И чем им их житье у Беклемишевых не понравилось? Так и вернулся домой озадаченный. Рассказал все свое беспокойство жене. Та дворянина утешила, даже обрадовалась.

– Нечего тут голову ломать, время научит, что делать, – уверенным голосом заявила Прасковья, – да и всякому дню своя забота. Самое главное теперь придумать, как гостям Великой княгини угодить. А там все само собой образуется, и довольные иноземцы сами за Васеньку слово замолвят!

Засуетились, забегали в доме Лыковых. Ключница Варвара, высокая и дородная женщина лет сорока, руководила приготовлениями к приезду государевых гостей. После недолгого обсуждения решили отвести иноземцам лучший терем усадьбы. Поставлен он был в верхней связи боярских хором, в пол-яруса выше главной залы. Так гостям будет спокойнее и от домовой суеты подальше, рассудили Прасковья Игнатьевна и ключница. С утра дворовые девки вымели и выскоблили пол, застелили персидскими коврами, а в центр стол с блюдами из серебра и кубками из венецианского стекла поставили. Следом розового масла в светильники для хорошего духа подлили, в углах вышитые мешочки с чабрецом и полынью повесили, лучшие стулья с подушками из шелка принесли, а во второй половине две кровати с перинами и подушками из гусяного пуха разместили. Красота, да и только, так и царей принимать не зазорно!

На следующий день появились иноземцы: двое господ и слуга. Итальянцы оказались людьми приветливыми, хотя немного заносчивыми. Но к этому в Москве уже привыкли. Так уж повелось, что всяк со своим законом да норовом приходил. Вот и итальянцы: во-первых, второй стол потребовали, ковры убрали, якобы только пыль от них, чабрец и полынь своими снадобьями для хорошего духа заменили. Про слугу сказали, что не с челядью внизу, а с ними спать будет. Варвара удивилась, но слова поперек говорить не стала. Тем более, палаты иноземцам понравились. Даже на слово приветливое разорились: мол, и усадьба в порядке, и дворовые чистые да приветливые, и вообще для души приятно им будет в таком месте располагаться. А от вида, открывавшегося из окон терема, так вообще в восторг пришли. Шутка ли сказать, весь Кремль белокаменный с церквями да Москва-река как на ладони!

Людьми они оказались негромкими и нешумными. Спускались только к трапезе, а так все в своей светлице сидели. На столах свитки да холсты огромные разложили. На стенах рисунки странные и инструменты диковинные повесили. Варвара, на всякий случай, боярыне пожаловалась, мол, не бесовское ли какое дело. Но та только прикрикнула на служанку, мол, одним топором белокаменную церковь не выстроишь. Для этого людей всяким наукам научают, и нечего в учении одно дьявольское наущение видеть. Варвара губы сжала в ниточку, но боярыне

возражать не стала, хотя сама про себя решила тайно за чужеземцами понаблюдать. Всякое может быть, лишний пригляд никогда не помешает.

Глава 3

С утра Анна закрутилась в вихре неотложных дел. Сначала надо было выбрать, каким путем отправить послание Паоло. Задача была не из простых, учитывая, что с одной стороны носить все это должно было вид самый невинный, но с другой, дойти достаточно быстро до адресата. Решила отправить с посольством воеводы Дорогомилова. Воевода был заклятым врагом Софы. Поэтому вряд ли ему придет в голову, что с его помощью переправляют нечто крамольное. С письмом отправила пару редких рукописей с описанием растений Московии, в которые и вписала нужные слова на персидском, обозначив значком. Об интересе Паоло к естествознанию знали все окружающие. Даже если люди Дорогомилова и поинтересуются, то ничего предосудительного не найдут. В конце концов, верховная боярыня княгини Софы имела право отправить своему другу редкие рукописи в подарок.

Первая гора с плеч верховной боярыни свалилась, и Анна сразу почувствовала облегчение. Следующей задачей было навестить братьев Альбинони. Нужно было убедиться, что дорогие Софы гости размещены со всеми удобствами и нужды ни в чем не испытывают. А заодно и присмотреться повнимательнее к Лыкову. Анна была уверена, что ничего интересного про убийство Бориса Холмогорова не узнает, но попытаться все-таки стоило. Быстрым шагом боярыня вышла из дворца и направилась к себе. Правда, зайдя в отведенные им с Василисой палаты, сморщилась и сразу же заткнула уши. У ее преданной служанки, по всей видимости, было лирическое настроение.

Надо сказать, что несмотря на преданность и исключительную ловкость карлицы, у нее все-таки было несколько слабостей, доставлявших некоторые неудобства ее хозяйке. Первым пристрастием была безаветная любовь Василисы к музыке. Проблема была в том, что любовь была настолько же безаветная, насколько безответная. Музыкальный слух у маленькой женщины не просто отсутствовал начисто, а находился где-то в отрицательных величинах. То есть, если про неспособного к музыке человека говорят, что ему медведь на ухо наступил, то по Василисиным ушам протопталась целая стая экзотических животных, называемых слонами. Но это никак не помешало упрямой карлице вбить себе в голову, что ей подвластны любые музыкальные инструменты.

"Естественно, подвластны, – думала с оттенком безнадежности Анна, – тем более, что ни у лютни, ни у виолы, ни у свирели выбора совершенно не было". Поэтому в минуты лирического настроения карлицы всем оставалось только зажимать уши и исчезать под любым удобным предлогом из покоев. Гусли издавали дребезжание плошек и чашек, свирель выводила кладбищенские вопли, музыка лютни напоминала артель жестянщиков в разгаре рабочего дня, ну а виола производила такой набор звуков, словно кто-то тянул за хвосты целую дюжину облезлых уличных котов.

Следующей страстью было пение. Поэтому в особо грустные минуты, а надо сказать, что по характеру она была скорее не шутихой, а трагической актрисой, Василиса пела, подыгрывая себе на лютне. В такие минуты, а то и часы, из дома можно было выносить не только святых, но все, что под руку попадется. Голос у Василисы отличался такой пронзительностью, и пела она настолько фальшиво, что даже кремлевские палачи, к воплям, понятное дело, привыкшие, не выдерживали и бежали куда глаза глядят.

Правда, нужно было отдать должное ее самокритичности. Василиса признавала, что петь не умеет. И подвергала этой пытке свою госпожу только в самых крайних случаях зеленой тоски. Хотя у этой страсти были определенные плюсы. Им отвели покои в самом дальнем уголке раскиданных как попало дворцовых построек. Анну это вполне устраивало. Находиться непосредственно под окном Софии ей нравилось все меньше и меньше.

Боярыня все-таки нашла в себе мужество разжать уши и решительным шагом зашла внутрь помещения. Времени спастись бегством у нее не было. На этот раз Василиса терзала свирель. По всей видимости, воображала себя пастушкой в окружении преданных фавнов. Буколическую картину дополнял подвывавший музыке приبلудившийся неизвестно откуда пес. По его вдохновенной морде было понятно, что все это ему очень даже нравится.

– Василиса, нам нужно уходить, я же тебя предупредила! – нарушила идиллию Анна. – Нужно проверить, как устроился Альбинони у Лыковых.

Кладбищенское завывание прекратилось, пес обиделся и залаял на верховную боярыню. Но пришедшая в себя Василиса пнула товарища с наслаждением ногой и вытащила его за загривок во двор. Потом также деловито накинула легкую душегрейку и повела барыню к Лыковым.

Привычная Василиса, изучившая все улочки и закоулки Москвы как свои пять пальцев, катилась шариком впереди. Анна еле поспевала за карлицей. К счастью, дворянин Государева двора жил недалеко от Кремля, и большая часть дороги проходила по деревянным мостовым. Правда, часть досок прогнила, и зазевавшие прохожие частенько проваливались в грязь. Дожди в октябре были обильные, а морозы еще не подоспели, поэтому коричневую глинистую почву основательно развезло. Анне приходилось быть вдвойне осторожной. Там, где легкая как перышко Василиса проходила без помех, Анна вполне могла завязнуть по колено.

Наконец показались окруженные частоколом хоромы дворянина Лыкова. Ворота отворились бесшумно, во дворе царила обычная для больших дворов суеда, на их приход никто не обратил особого внимания. Только одна девка мельком взглянула на пришедших и нырнула куда-то в погреб. Оттуда тут же выскочила дородная женщина, занимавшая, судя по всему, особое место в поместье, следом показался высокий мужчина того же возраста, скорее всего тиун (управляющий – прим. автора), во всяком случае одет он был в хорошо скроенный кафтан и держался с достоинством. Они вопросительно посмотрели на пришедших, оценили богатую одежду Анны и поклонились. Первой заговорила женщина.

– О ком прикажете доложить, госпожа?

– Скажи, что верховная боярыня княгини Софьи Анна Рикарди пришла провести итальянских гостей.

Женщина с еще большим почтением поклонилась и с неожиданной легкостью взлетела по высокой лестнице на крыльцо с искусно вырезанными из дерева витыми колоннами. Мужчина за ней следовать не стал, поклонился в свою очередь и удалился. Пока докладывали о ее визите, Анна с интересом огляделась. Внутренний двор был мощен досками и чисто выметен, никаких следов ни бурьяна, ни птицы, путавшейся под ногами, не было. Дворовые постройки были хорошо организованы, а не разбросаны как попало, как это водилось по обыкновению в большинстве дворянских или более богатых боярских дворов. Клетки для припасов располагались по левую сторону от дома, конюшня по правую, а коровник и птичник были убраны на задний двор. Сам дом был двухэтажным, украшенным богатой резьбой, с окнами из венецианского стекла и высокой крышей. Не привыкшая к такой аккуратности Анна порадовалась за итальянцев. Хозяева были людьми богатыми и рачительными. Внутри дома была также чисто, как и снаружи. Пол был устелен цветными коврами. Двери были дубовыми с изящной резьбой. Стены покрыты богато вышитыми покрывалами. Ну что ж, за итальянцев она могла не переживать. Варвара оставила Анну со служанкой в трапезной. Впрочем, хозяева долго себя ждать не заставили. Лыков прибыл сразу же, не заставляя гостей ждать больше положенного. За ним еле поспевала его жена Прасковья Игнатьевна – ширококостная женщина лет сорока, с густо, по московской моде подведенными бровями и неумело нарумяненными щеками. На ней была парадная шелковая рубаша и два платья, одно шерстяное, другой парчовое. Явно старалась, но результат оставлял желать лучшего. Московской модницей жена Лыкова не была, в миру появлялась редко и больше всего была озабочена судьбой единственного сына, в котором души не чаяла. Лыков же старался всячески быть на виду, благо дело сравнительно недавно зарабо-

танное состояние позволяло. Своим столом заправлял ловко, умел так дело справиться, что и купцам подати были под силу, и царская казна пополнялась, ну и про собственный карман не забывал. Всеми этими сведениями Анну снабдила вездесущая Василиса.

Пока Анна вежливо поддерживала обязательный в этих случаях обмен учтивостями, Василиса исчезла. Маленькая служанка прекрасно знала свою часть задачи: разговорить дворню, попытаться войти в доверие к стряпухе, истопнику, конюху, ключнице и прочим важным людям, которым жизнь поместья зачастую была известна лучше хозяев. И кто, как не Василиса, обладал счастливой способностью налаживать мосты и обретать связи в рекордно короткие сроки в любом месте и с любыми людьми. Наконец, пришло время отвести верховную боярыню к братьям Альбинони. Разместили итальянцев в тереме, располагавшемся в верхней части боярских хором. Сначала ее провели по просторным и теплым сеням, связывавшими терем с остальной частью дома. Потом она уже одна поднялась по дубовой лестнице с богатой резьбой и постучала в дверь. Итальянцы, предупрежденные слугами, уже ждали гостью.

– Проходите, боярыня Анна, – учтиво пригласил ее Луиджи, старший из братьев, и вежливо поклонился.

Анна уже встречала братьев во дворце, но первый раз ей представилась возможность увидеть соотечественников за работой. Она с интересом огляделась. Взгляд сам собой остановился на рисунке, развернутом на огромном обеденном столе рядом с небрежно свернутыми свитками. Снедаемая любопытством, она сократила обмен учтивостями, второпях расспросила братьев, довольны ли они жизнью у Лыковых, и попросила разрешения рассмотреть проект повнимательнее. Пухленький Луиджи только улыбнулся в ответ на такое неофициальное поведение Верховной боярыни и провел молодую женщину к столу.

Анна взглянула на рисунок и потрясенная замерла. Церковь была небольшая, но все ее части находились в такой гармонии, что, казалось, были нарисованы нечеловеческой рукой. Высокий расписной шатер дополнял картину. Ничего подобного она ни разу в жизни не видела. Талантом архитектора старший Альбинони сплел воедино и восточную узорчатость, и изысканность простого белого камня, и радостную песню позолоты.

– Разве возможно все это выстроить? – изумилась она.

– Лоренцо все рассчитал. А я привык полагаться на моего брата как на самого себя, – уверенно ответил Луиджи, развертывая перед боярыней густо испещренные странными формулами свитки, а Лоренцо, скрестив на груди руки, спокойно наблюдал за сценой, время от времени вставляя небольшие замечания. Голос Луиджи был хриловатым и словно немного надтреснутым. Лоренцо же щебетал маленькой птичкой. Да и внешне походил на птицу: маленький, с остреньким, словно всегда готовым клюнуть, носиком, таким же остреньким безбородым подбородком и маленьким ротиком. Старший же брат был более степенным, неторопливым, говорил размеренно, складывая пухлые, почти женские ручки на кругленьком животе. И в который раз Анна изумилась таланту братьев Альбинони. Если один был артистом, то другой – настоящим ученым и изобретателем.

Теперь верховная боярыня лучше понимала значение, которое придавала Софья деятельности двух итальянцев. Если проект воплотится в жизнь, то Москва единственная в мире будет обладать невиданным сокровищем. Во всяком случае, ничего подобного она никогда не видела. Гармония, простота и изящество форм стали самым воплощением молитвы, вознесенной к небу, словно все надежды неприкаянной человеческой души воплотились в едином порыве архитектурного гения Луиджи Альбинони.

– Это настоящее чудо!

Искреннее восхищение Анны доставляло видимое удовольствие Луиджи. Он волновался, словно ученик перед учителем, описывая внутреннее и внешнее убранство и в конце добавил:

– Это храм Богородицы. У нас с братом особенное отношение к Пресвятой Деве. Для нас она стала настоящим светом, покровительницей и заступницей! Я всю жизнь мечтал построить посвященный ей храм, и вот, благодаря вашей княгине, наконец, моя мечта исполнится... – тут голос его дрогнул, и он заморгал часто-часто, безуспешно пытаясь скрыть набежавшие слезы. И словно спала маска степенности и неторопливости, которая скрывала истинные чувства Луиджи Альбинони. Анна перевела взгляд на набухшие и воспаленные от усталости глаза младшего брата и только в этот момент отдала себе отчет, что, несмотря на внешнюю беззаботность, итальянцы работали день и ночь как проклятые, вкладывая весь свой талант и отдавая все силы тому, что было для них настолько важно.

В едином порыве ей захотелось помочь.

– Может быть, я смогу вам найти более подходящее место для работы? Все-таки у Беклемишевых было гораздо более просторно... – и неожиданно для самой себя спросила, – а почему вы решили съехать от Беклемишевых?

– У них все было слишком церемонно, а мы люди непритязательные, больше привыкли к простоте, и здесь нам очень нравится, и дворянин с женой очень стараются, так что не беспокойтесь, боярыня Анна, – с деланной легкостью ответил старший Альбинони, но младший долгим испытывающим взглядом посмотрел на молодую женщину.

Такой ответ показался Анне по меньшей мере странным, и изящество одежды ее соотечественников говорило скорее о противоположном, но продолжать дальше она не стала. Почувствовав внезапную холодность своих соотечественников, боярыня предпочла раскланяться, оставив гостей обживать отведенные им покои. Она развернулась и только в этот момент заметила, что в комнате находится еще кто-то. Высокий худой мужчина с глазами преданной собаки терпеливо стоял в стороне. По всей видимости это и был слуга братьев – Марчелло, с которым Альбинони не расставались ни на миг. Он с обожанием смотрел на своих господ и ждал приказаний.

– Марчелло, проводи боярыню, – не приказал, а скорее попросил Луиджи.

Марчелло, вежливо поклонившись, открыл дверь. Анна вышла, слуга двинулся за ней. Она улыbnулась про себя. Марчелло мог дать фору Василисе, насколько карлица умела передвигаться неслышно, настолько Марчелло производил шума не больше маленькой мышки. У Анны почему-то возникло сравнение с привидением. Даже дрожь прошла по телу от такого сравнения. И еще почему-то в голову пришла мысль, что аскетичный слуга прятал под своим одеянием власяницу. Насколько он казался отрешенным от всего мирского. Намотанные на левую руку четки-розарий только дополняли сравнение с монахом. Во всяком случае, видеть слуг с четками ей приходилось нечасто. Не был ли Марчелло в прошлом послушником или монахом-расстригой? Но если и был, то поменял служение богу на служение братьям Альбинони. Одна-единственная забота наполняла его существование – это комфорт, покой и довольство его господ. Иметь такого преданного слугу... Братьям можно было только позавидовать.

Отослав Марчелло, Анна отправилась вниз. В главных покоях Анну поджидала хозяйка дома.

– Пожалуйста, боярыня, к ужину. Откушаете с нами, чем бог послал, не обидьте, от всей души просим, и служанку вашу тоже приглашаем, – распевно произнесла Прасковья Лыкова и поклонилась зачем-то чуть не в пояс.

Непривыкшая к таким почестям Анна поспешила согласиться. Ей было неловко. Она предпочитала всегда находиться в тени и хотя называлась верховной боярыней, но никакого особенного респекта к себе не требовала.

– Останемся, с удовольствием останемся, – ответила она.

– Спасибо за честь, – расплылась в улыбке Прасковья.

– Пока я, с вашего разрешения, пожалуй, выйду во двор, прогуляюсь. Если увидите служанку мою, Василису, то отправьте ко мне.

– Конечно, конечно, – закивала головой Лыкова.

Во дворе Анна присела под начинавшей желтеть липой и задумалась. Мыслями возвращалась к оставшейся на столе рукописи и спрашивала себя в который раз: стоила ли игра свеч? Не попала ли она на выдумки очередного шарлатана. Даже если и жил врачеватель много веков назад, от древности шарлатан не становился целителем. Мысли перескочили на смерть Бориса Холмогорова. Софья желала, чтобы она попыталась узнать побольше. Хорошо бы расспросить тех, кто работал с молодым писарем. От размышлений ее отвлек давешний мужчина, которого она видела в самом начале. Недолго думая, подошла.

– Вы тиун Лыковых? – прямо, без церемоний, спросила она.

– Нет, я здесь, как и вы, с визитом. Иван Мельников, подъячий приказа Большой казны, – поклонился мужчина.

Анна удивилась, на ловца и зверь бежал. Только подумала расспросить тех, кто работал с Холмогоровым, как судьба ей послала ближайшего помощника Лыкова.

– Анна Рикарди, – представилась она, – служу великой княгине.

– Ну кто же вас, дама Анна, не знает, вы всем на Москве как наипервейшая помощница цесаревны Софьи известны! – улыбнулся подъячий. – Пришли гостей царевниных проводить?

– Да, и не только, – подтвердила она. – А вы с делами к Михаилу Степановичу?

– Конечно, конечно, – торопливо закивал Мельников, – хорошо устроились ваши гости?

– Лучше быть не может, – похвалила Анна Лыковское гостеприимство и, не откладывая в долгий ящик, спросила, – кстати, раз вы в приказе работаете, тогда Бориса Холмогорова должны были хорошо знать?

Тень промелькнула по лицу Мельникова, он побледнел и торопливо перекрестился.

– Не дай Господи, никому смерть такую лютую принять!

Анну что-то насторожило, но она не могла понять, что, поэтому подъячего решила не отпускать.

– Вы товарищами были?

– Какими товарищами мы могли быть?! Он меня на два десятка лет моложе, знал так себе, его недавно в приказ взяли, Бориску-то, по Михаила Степановича пожеланию.

– Дворянин Государева двора с отцом его воевал, не так ли?

– Точно.

– И как Борис работал, с кем в вашем приказе дружил?

– Трудился, как на духу, боярыня, скажу, так себе, но о мертвых или хорошо говорить надо, или ничего, поэтому ничего говорить не буду, грех это.

– В правде греха нет, – возразила Анна.

– А зачем вам Бориска сдался? Или ваша княгиня в смерти Холмогорова решила разобраться?

– А хоть бы и решила, – заявила Анна, решившая вокруг да около не ходить, – расскажите-ка мне все, что вам известно. Вы когда его в последний раз видели?

– Так вечером и видел, он должен был бумаги переписать, а ничего не переписал, сказал, что мол, завтра перепишет, потому как встреча у него важная, торопился.

– Он волновался, тревожился?

– Да нет, как всегда был, я ему пенять стал, мол, опять работу не выполнил, а он мне: «Ты мне, Ванька, не указ, знай свое место! Думаешь, если из холопов выслужился, так боярскому сыну указывать можешь! Не бывать такому!» Так и ушел, больно высоковынный Бориска был, все своим родом кичился, а за душой-то ни гроша, сапоги дырявые. Правда недавно сафьяновые сапожки себе приобрел да кафтан новый, рубашки стал шелковые носить, в общем приоделся...

– То есть у него деньги появились?

– Появились, – подтвердил Мельников.

– Откуда?

– А шут его знает, вроде жалованье ему никто не повысил, и для просителей он не старался, в нашем деле так бывает, грамоту правильную торговому или ремесленному человеку выправишь, он тебе хорошо заплатит. А Бориска никогда перед купцом шапку бы ломать не стал! Гордый больно и ленивый в придачу! Да и, если уж совсем честно, так и в грамоте не больно силен был Бориска, я ему завсегда самые легкие дела давал, в которых важности никакой.

– Может быть, наследство получил?

– Об этом бы Михаилу Степановичу известно бы стало.

– Воровал? Вы немаленькими деньгами ворочаете.

– Чтобы у нас под носом! Не бывать этому! У нас копейку не умыкнешь!

Анна подумала про себя, что Лыков вполне успешно умыкал, и не только копейку, но вслух произнесла другое.

– Значит, откуда у Холмогорова появились деньги, вам неизвестно?

– Нет, поклясться могу!

– Ну а Глеба Добровольского знаете?

– Борискиного дружка-то? Как не знать, они как два пальца одной руки были, особенно если глупость какую сотворить да по красным девицам пошляться! – с презрением выговорил Мельников, на этот раз правилом – о мертвых хорошо или ничего – не утруждался.

– Тогда, может быть, деньгами Холмогорова Добровольский снабжал?

– Глебка, конечно, не такая голь перекатная, как Бориска, батюшка его разрядным дяком был, семье немалое состояние оставил, и пару деревенок в кормление государь ему за службу выделил, но год как преставился, а семья большая, так что не до жиру, чтобы еще Глебкиному дружку сапожки сафьяновые покупать! – убежденно произнес подъячий.

– Хорошо, если что-то вспомните, знаете, как меня найти.

– Знаю, боярыня, а теперь разрешите откланяться.

С этими словами подъячий скрылся за воротами. Анна, довольная новыми сведениями, поднялась в господские покои.

Ужин начался с нескольких чарочек удивительно вкусного меда. Пища была хорошей, обильной и очень вкусной: молочный поросенок с гречневой кашей, утка с яблоками, запеченные белые грибы, блины с вареньями и моченой ягодой. Ели молча, только итальянцы изредка обменивались короткими фразами, да Прасковья Игнатьевна уговаривала гостей не стесняться и отведать то или иное кушание. Анна исподтишка разглядывала участников обеда. Грацией хозяин дома не отличался, а напоминал скорее ярмарочного медведя, грузный, неповоротливый, густые кустистые брови нависли над небольшими глазками болотного цвета, широкий нос и длинная каштановая борода дополняли картину. Особая приветливость ему тоже не грозила, на гостей поглядывал неодобрительно, зато аппетитом обладал отменным. Огромные куски исчезали с серебряного блюда с необыкновенной скоростью. Прасковья Игнатьевна была потоньше и явно хитрее собственного мужа. Гостям старалась угодить, а Анне понравиться. Боярыня уже была в курсе попыток Лыкова выправить чин сыну Василию. По словам Софьи, отрок был представлен молодцем и умницей. Оказался же долговязым нескладным юношей с прыщавым лицом и робкой улыбкой. Красоты особой не было и в помине, как, впрочем, и широкого размаха в плечах. Правда, улыбка Анне понравилась, искренняя, хорошая улыбка.

– Давно я так вкусно не ела! – с чувством произнесла верховная боярыня.

– Спасибо на добром слове, – расцвела Прасковья Игнатьевна. – Степанида наша – наипервейшая московская стряпуха. Мы далековато от Кремля живем, вот и перестали с княжеского стола кормиться. А что, так удобнее, хоть и расходов больше, да никому не в обузу.

– Степанида, конечно, заморским яствам не обучена, вы уж извините, – с ложной скромностью заявил Лыков.

– Если хотите, Марчелло вашу стряпуху новым блюдам научит? – с невинным видом заявил Лоренцо.

– Конечно, конечно, – несколько растерянно закивала головой Прасковья Игнатьевна.

– А нам и так подходит! – зыркнул на жену Лыков и побагровел.

Лоренцо улыбнулся, ему похоже нравилось подначивать хозяина, но Луиджи тут же произнес примиряющим тоном:

– Степанида – замечательная кухарка, мы так вкусно и за княжеским столом не едали!

Анна пришла на помощь Луиджи и перевела разговор на другую тему.

– Я только что с вашим помощником, Иваном Мельниковым, познакомилась. Расторопный у вас подъячий.

– Вы Ваньку в приказе видели?

– Нет, у вас, разве он не к вам с докладом приходил?

– Ко мне? – удивился Лыков, – Прасковья, ты Ивана видела?

– Видела, – успокоительным тоном произнесла жена, – он тебя не застал, а как боярыню увидел, решил, что тебе не до него.

– И правда не до него, – согласился дворянин Государева двора.

Вечер опустился быстро, ужин закончился, соотечественники Анны распрощались со всеми и отправились к себе. Анна осталась, выбирая момент для ухода. Слово за слово заговорили о будущем Василия. Тут Прасковья Игнатьевна не удержалась и поклонилась госте.

– Вы бы, боярыня, слово за Васеньку нашего замолвили во дворце. Все знают, как вас князь с княгиней жалуют! А мы уж вам так благодарны будем, век не расплатимся! Единственный у нас Васенька, сыночек, одна кровиночка! Помогите, боярыня!

Василий зарделся и насупился, а Анна согласно закивала.

– Конечно, замолвлю, слово-то как не замолвить, а тебе, Василий, какое дело во дворце по душе?

– Да не хочу я во дворец! – неожиданно выдал Василий, а Прасковья Игнатьевна только охнула и ткнула сыночка в бок, но он, не обращая никакого внимания на мать, продолжал.

– Мне бы, боярыня, кузнецкому делу обучиться, хочу оружейником стать, все про булат синий и красный узнать и научиться его делать! Чтоб саблям моим и пикам износу не было!

– Булат?! – удивилась Анна, – что ж, я подумаю...

– Да не слушайте вы его, боярыня, сам не знает, что глаголит! – заорал Михаил Степанович. – Не бывать такому, чтобы сын дворянина Государева двора на заднем дворе весь в золе ходил! Ты куда смотрела, мать!

– Погоди при гостях-то шуметь! – одернула мужа Прасковья, дворянин только глаза выпучил и заткнулся. – Спасибо, вам боярыня, что уважили нас, а Васятку не слушайте, чего только по молодости и по глупости в голову не втешмятятся!

Анна, наконец, поблагодарила хозяев и отправилась на поиски Василисы. Спустилась по добротной деревянной лестнице в подклет и двинулась на раздававшиеся голоса. Странная картина открылась ее глазам. Огонь, потрескивающий в печке, и неровный свет двух лучин освещали лица слушавших багровым пляшущим пламенем. В центре круга сидела Варвара-ключница и рассказывала что-то неторопливым, заволакивающим голосом. Анне стало интересно, и она решила не разрушать своим появлением царившую в помещении атмосферу загадочности. Она притаилась и прислушалась. Голос Варвары звучал низко и волнующе.

– А ночь завтра будет особенная, многие про нее слышали, а вот что она означает не каждый знает...

Слушавшие благоговейно молчали, стараясь не упустить ни одного Варваринаго слова.

– Завтра последний день месяца, который наши предки листопадом величали, а послезавтра первый день груденя (1 ноября – прим. автора), когда зима в свои права вступает. А ночь, между ними, будет непростая.

– Мне всегда бабушка в эту ночь про судьбу спрашивать велела, – робко произнес в углу девичий голос.

– Правильно тебе, Глашка, бабушка говорила. Деды и бабки наши знали о чем говорили. Эту ночь Велесовой называют, и великая сила в ней сокрыта! В нее души наши предков приходят к нам, чтобы помочь, благословить и предупредить, поэтому поставьте на ночь угощения на стол, даже просто хлеб с водой, если ничего другого нет. Так усопшим своим уважение и любовь покажете, что помните их, что нить жизни, которая от них к вам идет, не прервалась.

– А еще мне бабушка говорила, что в эту ночь гадать даже получше, чем в ночь под Рождество, – добавила Глашка, слушавшие загомонили, и, гордая вниманием, девушка добавила, – особенно если про девичью судьбу загадывать.

– И это правильно, в Велесову ночь гадать – судьбу узнать! Да только непростое это дело, в эту ночь тайные двери открываются, и навь в явь приходит, а вместе с навью не только наши умершие, которые добра нам желают, но и мраконосы с мороками, да мавки с кикиморами, нечисть всякая на волю вырывается, поэтому не всякому в эту ночь гадать позволено!

– А тебе, Варвара, позволено? – спросил из темноту чей-то женский голос.

Варвара внимательно посмотрела на спрашивавшую и после недолгого молчания ответила.

– И мне не всегда позволено, только я сегодня в храм ходила, все мои грехи отмолила и милостыню раздала, теперь смогу, хоть и непросто это все!

– А на мою судьбу погадаешь? – со смешком спросил ломающийся юношеский голос. – Может, я на царевне или на купчихе разбогатой женюсь и буду как сыр в масле кататься!

– А на твою судьбу, Федька, и гадать не стоит, ты и так у Степаниды как сыр в масле катаешься, куда еще тебе! Только и работы, что юбку задирай, всякий сумеет!

Люди загоготали, только одна здоровая баба в расшитой петухами рубахе, видимо та самая стряпуха, вскочила вся красная и полезла на ключницу.

– Ну и язык у тебя, что жало змеиное! Гляди, Варвара! Думаешь, на твой роток платок некому будет накинуть?

– А ты попробуй, Стеша, накинь! – встала во весь рост Варвара, не отводя от стряпухи жесткого как кремь взгляд. Степанида не выдержала, разразилась бранью, но отступила, а потом и вообще выскочила прочь, чуть не снеся прислонившуюся к притолоке Анну.

– Да ну вас, бабы, ты лучше нам сказку какую расскажи, Варвара, давно обещала нам новую сказку рассказать! – глухим голосом бухнул здоровый седовласый мужик, лицо которого освещало печное пламя.

– Точно, расскажи, – загомонили остальные.

Варвара обвела всех взглядом, потом неожиданно кинула взгляд в сторону Анны и хищно улыбнулась.

– Ваша воля, сказка так сказка. Только на этот раз она будет не про богатырей-царевичей, а про то, как есть на небе рядом со Становищем три звезды яркие. Звезды эти особенные, потому как не звезды это, а души девичьи, души трех сестер, поэтому и зовутся звезды эти "Девичьими Зорями". Есть о них сказание старинное, заветное... – распевно начала ключница, голос ее зазвучал по-новому, и в этом голосе был слышен странный вызов, и еще она смотрела в сторону Анны, словно рассказывала эту сказку для нее с одной ей известной целью.

– Жили-были на белом свете три сестры, родством и дородством – сестра в сестру. Давно ли это было, недавно, не ведаю, да только все кругом на них удивлялись. Жили они в одном дому-терему, без отца, без матери. Сами домом правили, сами пахали-сеяли, сами хлеб продавали. Проторили к сестрам дорожку свахи-сваты, да было им все диво дивное. Придут к воротам – ворота сами отворяются; пойдут к дверям – двери сами отойдут настежь; взойдут в избу – в избе нет ни живого, ни мертвого, как после мора страшного. Поят, пооят, так и пойдут ни с чем. Выйдут на улицу, посмотрят на окна, а у окон сидят три сестры и вместе одну

кудель прядут. Посудили-порядили бабы-свахи и решили, что не иначе как эти три сестры – самые настоящие ведьмы. Попугались, да потом надумали сжить девок со свету. Чего только не придумывали, лишь бы загубить их. И святой водой пороги опрыскивали, и сон-травой заговоренной обмахивали. Даже огонь пробовали: поджигали то городьбу, то избу девичью, да только и огонь их не брал. По знахарям-ведунам хаживали, и те ума не приложат, что с тремя сестрами сделать! Увидали-подглядели однажды ночью зоркие бабы глаза, что летит поднебесьем Огненный Змей и прямо к дому ненавистных им трех сестер: полетал-полетал, да и прочь полетел. Охнули бабоньки: и Змей проклятых не берет! Да только много ли, мало ли воды утекло, а умерли сестры. Как вместе жили, так вместе и умерли.

Анна слушала, потрясенная. Не ожидала от простой бабы такой велеречивости и такого воображения. Внезапно почувствовало чье-то присутствие за спиной. Оглянулась и вздрогнула, на нее внимательно смотрели черные глаза Марчелло. Когда он подошел, она не заметила. Варвара же, похоже, Марчелло заметила гораздо раньше Анны. И не для него ли она рассказывала эту сказку. Во всяком случае, она смотрела на него, радостно, победно улыбаясь. Марчелло ответил неожиданной, еле заметной улыбкой и, поклонившись Варваре, растворился в коридорном сумраке. В глазах Варвары промелькнуло разочарование, но она быстро справилась с собой и продолжила рассказ.

– ... узнали тем временем свахи-бабы о том, что сестер не стало, пошли поглядеть на покойниц... пойти-то пошли, а самих страх берет, коленки сами собой подгибаются, а ноги идти не хотят. Решили послать наперед себя мужиков. Тем отказываться несподручно. Осенили себя крестным знаменем да пошли к городьбе. Только подошли, городьба расступилась на четыре стороны. Страшно стало мужикам, да не отступишь, свахи-бабы сзади подталкивают. Подошли к избе – а изба в мелкие щепки рассыпалась. Смотрят, а посередине три гроба стоят, а в них словно молодые сестры лежат. Хотели подойти. Только двинулись, а вдруг обьяло все пламенем горячим, подняло вихрем огненным и унесло в небо. В один миг все исчезло, словно и не было ничего. Тогда только догадались и мужики, и бабы-свахи, что сестры эти были прокляты на роду. Да и после смерти худое житье им досталось: век гореть зорями. Вот и горят с тех пор вместе, и люди мудрые их так и называют – Девичьими Зорями. И никто не знает, не ведает, за какое злодейство так были наказаны три сестры, да, видимо, страшное, нечеловеческое сотворили, от своей природы отказались, продали свою светлую голубиную душу за гордыню. Вот такая вот сказка, – улыбнулась Варвара.

– Мастерница ты сказки рассказывать, и у кого только научилась? – восхищенно произнесла уже ставшая своей Василиса.

– Матушка нас с сестрицей научила, вот и иногда тешу себя и других...

Весь обратный путь Василиса без устали восхищалась Варварой-ключницей.

– Большого ума баба и про Велесову ночь правильно все рассказывает, всем помещьем управляет, ей хозяева как самим себе доверяют. Всем бабам баба эта Варвара.

Анна со своей служанкой соглашалась, ключница была действительно женщиной незаурядной. Но думала больше о другом, об эскизе церкви, о разговоре с Иваном Мельниковым и еще о том, что все-таки случилось с молодыми писарями: Борисом Холмогоровым и Глебом Добровольским.

На следующий же день Василиса развернула бурную деятельность и ближе к вечеру не терпящим возражения голосом заявила:

– Ночь сегодня особенная, вы вчера Варварин рассказ слышали?

– Только не говори мне, что собираешься гадать? – с оттенком безнадёжности в голосе заявила Анна.

– Собираюсь, еще как собираюсь, меня еще бабушка научила! – гордо заявила Василиса.

– И на чью девичью судьбу гадать собираешься?

– На вашу, а на чью же еще! Сколько вам еще в девках сидеть?

– Мне в девках очень неплохо сидится! Что ты еще выдумала! – попыталась было возмутиться Анна, впрочем, особенно она ни на что не надеялась. Позиции сдала быстро, предпочтя быстрое и бескровное отступление, предоставив своей служанке действовать на собственное усмотрение с одним единственным условием: ее, Анну, не тревожить. Василиса согласилась, а Анна закрылась в своей светлице, зажгла свечу и погрузилась в древний манускрипт. Но в голове непрестанно крутились вопросы, ответа на которые не было. Потом вспомнила Варварин рассказ и подумала, а что, если правда в эту ночь к ней могут прийти души дорогих ей людей, но как ни старалась, ничего присутствия в светлице не почувствовала. Слишком далеко она уехала, неужели и для дорогих ей душ такое расстояние оказалось непреодолимым. Слезы навернулись на глазах, она всхлипнула и схватила четки, подарок Каталины. Закрыла глаза и зашептала молитвы, перебирая знакомые бусинки, чувствуя пальцами привычные шерстинки. От сердца отлегло, словно мать-настоятельница издалека помогала своей воспитаннице забыться и не терять надежду. В соседней комнате раздавалось Василисино бормотание, периодически прерываемое завываниями, Анна неторопливо разделась, юркнула под меховое одеяло и забылась тревожным, беспокойным сном.

* * *

В поместье Лыковых вечер тоже близился к концу. Дворянин с женой отправились отдыхать. Стряпуха, поставив на ночь тесто, зевала во весь рот, собираясь в свою каморку. Федька крутился вокруг своей зазнобы, та только отмахивалась. Холопы и челядь разбрелись кто-куда. Варвара-ключница неторопливо обошла хозяйство. Все было надежно закрыто, огонь потушен, стражник с колотушкой на своем месте, птичник заперт на засов, кони в конюшне, коровы в хлеву. Что ж, теперь можно было и к себе. Но Варваре совсем не хотелось уходить с улицы. Она любила вечер, только сейчас она чувствовала себя свободной. Дневные хлопоты заканчивались, а до следующего утра еще оставалось время, когда она могла побыть самой собой, подышать полной грудью и помечтать. Уж очень везучий день получился сегодня у Варвары-ключницы. Так бывает: плывет удача, только и делай, что ворота пошире раскрывай, словно бабушка ворожит. Варвара тут же дала себе слово могилку покойницы убрать и крест новый поставить. Сестренке небось не до того, а она время найдет. Ей сейчас хозяева и слово-то лишнее сказать боялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.